

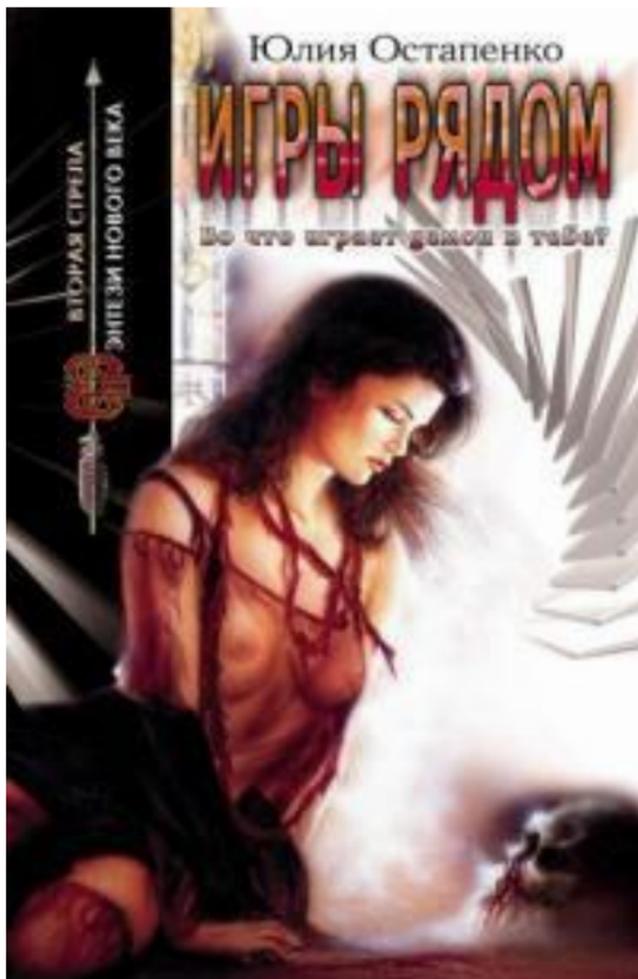
Юлия Остапенко

ИГРЫ РЯДОМ

Но что играем мы в табак?

ВТОРАЯ СТРЕЛА

ЭПИЗЫ НОВОГО ВЕКА

Юлия Владимировна Остапенко

Игры рядом

OCR Fenzin

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125235

Остапенко Ю. Игры рядом: Роман: АСТ /СПб: Астрель-СПб; М.; 2005

ISBN 5-17-029030-6

Аннотация

Так себя ведут трёхлетние дети. Каждый занимается чем-то своим, хотя рядом с ним сидит другой. Никаких общих действий, контакта, чувства, взгляда – потому что невозможно понять другого. Это называется – игры рядом. Люди вырастают, а игры не меняются. Даже если это люди из фэнтезийного мира. Особенно если это люди из фэнтезийного мира...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	41
ГЛАВА 4	60
ГЛАВА 5	74
ГЛАВА 6	93
ГЛАВА 7	109
ГЛАВА 8	121
ГЛАВА 9	137
ГЛАВА 10	153
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Юлия ОСТАПЕНКО

ИГРЫ РЯДОМ

Кате Якубской

ПРОЛОГ

Они мчались сквозь воющий черный лес, задыхаясь от ужаса, сцепившись руками с такой силой, что кровь сочилась из-под ногтей, вонзавшихся в чужую ладонь. Ветер порывисто хлопал сучковатыми лапами ветвей, словно пытаясь схватить, задержать. Ночные птицы с насмешливым уханьем носились над головами: не уйдете!

– Не... уйдем... – хрипло выдохнула она наконец и рухнула на колени, запутавшись в тяжелом темном подоле. Он не выпустил ее руки, чуть не упал следом, но устоял, вцепился ей в волосы – грубо, жестоко. Закричал:

– Нет! Мы ведь уже почти выбрались!

– Не... уйдем... – повторила она и опустила голову. Он выругался и рванул ее так, что она взвыла от боли и вскинула к нему лицо, облепленное мокрыми от пота волосами.

– Идем! – кричал он и дернул снова. Она на миг застыла, глядя на него безумными, сверкавшими во мраке глазами, и тут оба они отчетливо услышали далекие крики, до этой

минуты заглушаемые их собственным сиплым дыханием.

Она вскочила, почти взлетела, и через мгновение они уже мчались дальше, прорываясь сквозь мрачное чрево леса. Огромная белесая луна равнодушно смотрела на две крошечные человеческие фигурки, рвущиеся сквозь заросли, оставляющие клочки волос и кожи на острых ветках. Луна знала – им не уйти.

Никто не мог уйти.

Они бежали полночи, через овраги и заросли, обдирая лица и сбивая в кровь ноги. А погоня не отдалялась – становилась ближе. Те, кто шел за ними, не могли остановиться. Не имели права остановиться. А они не имели права убежать. Но бежали – без оглядки, не помня уже ни себя, ни друг друга. Когда она снова упала, он уже почти привычно нагнулся, схватил ее за руку и за волосы, потянул и не сразу понял, что она потеряла сознание. Ее голова безвольно откинулась назад – он увидел раскрытый рот, казавшийся во тьме бездонной черной дырой, отрешенно подумал, что этот рот было так сладко целовать, и заплакал, когда понял, что даже эта мысль не может придать ему сил. Он предпринял последнюю отчаянную попытку: взял ее на руки и шатко поднялся, но успел сделать всего несколько шагов. Крики звучали совсем близко, он уже видел отсветы факелов за плотной сетью деревьев. Над головой пронеслась сова, хлопнула крыльями, хрипло ухнула, спокойно, довольно, умиротворяюще: ну вы же знали, ребяташечки, вы же знали, что не нужно убе-

гать, нет смысла убегать... Ноги подкосились, и его охватило страшное желание сесть на землю и просто подождать, пока из влажной пасти леса не вынырнет толпа преследователей.

Сесть на землю! Как это было бы... как это будет хорошо...

Она слабо шевельнулась в его руках, застонала. Он содрогнулся, стряхнул наваждение, рванулся вперед, уже не глядя под ноги. Еще шаг, еще десяток шагов. Пусть это уже ничего не решает: зато он сделал всё что мог. Они оба сделали всё что могли.

Позади закричали, на сей раз пугающе близко, и он почти успел обернуться, прежде чем остутился и полетел вниз, в склизкую бездну. Падая, сначала услышал, как что-то внизу хрустнуло, потом почувствовал дикую боль в щиколотке. На миг тусклое сияние померкло, и он устало прикрыл глаза, радуясь передышке. Но отдых был недолгим: уже через мгновение его тормозили, били по щекам, заливали слезами.

– Беги, – одними губами сказал он.

– Что? – кричала она, захлебываясь от рыданий.

– Беги... одна иди дальше...

– Что ты говоришь? Я не слышу!

Она гладила его мокрое лицо такими же мокрыми руками, размазывала грязь, кровь и слезы – он уже не знал чьи.

– Беги одна. Уходи одна! – внезапно закричал он, поразившись силе вопля, вырвавшегося из пересохшей глотки. – Уходи! Немедленно!

– Я не могу! Я не смогу без тебя!

– Сможешь! Иди! Сейчас же!

Он видел ее темный силуэт на фоне странно посветлевшего неба, видел, как трясутся ее плечи, как дрожит голова в ореоле серовато-розового свечения. Неужели светает? Продержались-таки... До еще одного рассвета. До последнего рассвета.

– Ну беги же, пожалуйста, – прошептал он, не зная, слышит ли она его, говорит ли он. – Пожалуйста.

Она схватила его липкую от пота голову ледяными руками, сжала так, что у него заныли виски, нащупала ртом его помертвевшие губы, и сказала:

– Я тебя люблю.

– Да, да, беги.

– Ты слышишь меня? Слышишь?! Ты! – она опять кричала, с яростью, с ненавистью, без слез в голосе – все слезы ушли в его лицо. – Слышишь, сволочь?! Я тебя люблю!

– Слышу, слышу... – устало прошептал он и закрыл глаза. Ему стало холодно, вдруг захотелось, чтобы она наконец ушла и оставила его в покое. – Иди же.

Она поднялась. Стала взбираться на другую сторону оврага; ветки хрустели под ее ногами, земля сыпалась из-под туфель ему на лицо. Он тихо вздохнул, уже не чувствуя боли в раздробленных костях. Что-то капнуло на его лоб, осторожное, восхитительно холодное. Потом опять и опять. Дождь забарабанил по лицу, по закрытым глазам, слизывая разма-

занные по щекам слезы. Кричали уже совсем близко, можно было разобрать отдельные слова, даже узнать голоса.

– Я тоже тебя люблю, – отчетливо проговорил он, хоть в этом и не было никакого смысла.

Через тридцать пять лет после этой ночи Ласкания Велла, обреченная вечно смотреть в раскрашенный кровью потолок, впервые за свою долгую кошмарную жизнь разлепила сухие губы и громко сказала:

– Одна половина уже здесь.

А еще через шесть лет она снова шевельнула тяжелым, словно мраморная плита, языком – второй и последний раз в жизни, проговорила:

– Другая теперь тоже.

И умерла. Она выполнила свое предназначение.

ГЛАВА 1

Кони тихо всхрапывают в густой тишине леса. Негромкие разговоры, напряжение в руках, стискивающих оружие, в губах, сжатых суровыми полосками, в глазах, устремленных на заброшенную ветвями хижину. Кряхтение, почесывание, недовольство. Верность присяге, слепое подчинение вышестоящим. Зверство комаров.

– Вы в самом деле думаете, что они его выдадут, милорд?

– Не выдадут. Он выйдет сам.

– Да ему же тогда конец. Он не может этого не понимать!

– Чем вы так обеспокоены, капитан? Я сказал – мы ждем до рассвета. Если ничего не изменится, потешите ваших головорезов. Но попробуйте только упустить его или убить при атаке. Не мне рассказывать, что с вами будет.

– О да, разумеется, милорд.

– Зря злорадствуете. Он выйдет.

– Сомневаюсь...

– Хотите пари?

Покашливание, натужные смешки. Звонкий шлепок ладонью по истерзанной комарами шее. Мокрые от пота рукояти мечей. Стальные ободки шлемов поблескивают в ярком свете факелов. Плотное зеленое кольцо ощерившихся оружием тел вокруг заброшенной ветвями хижины.

– Ты не пойдешь!

Я взял кувшин, стоящий посреди стола, перевернул, потряс над кружкой. Всё вылакали, мерзавцы. Хоть бы глоток оставили.

– Не игнорируй меня! Эй! – раздраженно выкрикнул Роланд.

Я поднял на него глаза.

– Ты что-то сказал?

– Проклятье, да! Я сказал, что ты никуда не пойдешь!

– Роланд, – мягко проговорил я, – мне слышатся в твоём голосе командные нотки. Возьми себя в руки и потерпи еще немного. Скоро я уйду, и ты вполне законно займешь мое место. Не торопи события. А пока ответь на вопрос, который я задал: осталась в этой гребаной дыре хоть капля пойла?

Он вспыхнул, быстро отвел взгляд. За что я всегда любил старину Роланда, так это за искренность. Пятилетнему ребенку легче скрыть свои мысли, чем этому парню. Его тщеславие ни для кого не было тайной. И именно поэтому несколько меня не беспокоило.

– Эван, он прав, – неуверенно сказала Флейм. – Мы не отдадим тебя Зеленым.

– Верно. Я сам к ним пойду, – согласился я. – Мне в третий раз повторить вопрос?

Она посмотрела на меня в замешательстве, окинула взглядом скучную обстановку хижины.

– Я... не знаю... – она запнулась. – Вроде что-то еще бы-

ло...

– Ну так пошевелись и принеси мне выпить.

– Я принесу, – сказала Арлетт, вставая.

– Спасибо, родная, – умилился я такой заботе. Линнетт, конечно, тут же встала тоже, хотя обшарить полки вполне можно было и в одиночку. Но они всё делали вместе. Пока близняшки гремели пустыми черепками по углам хижины, я осмотрел свою приунывшую команду. Они отворачивались, прятали глаза, боясь выказать беспомощность, которую чувствовали едва ли не впервые в жизни. Даже Юстас, заткнуть которого обычно можно только хорошей затрепиной, молчал, словно безъязыкий, уткнувшись взглядом в пол.

– Ладно, – сказал я наконец, когда их немая растерянность начала действовать мне на нервы. – Помнится, мы собрались здесь для того, чтобы обсудить план действий на ближайшее время. Вот давайте этим и займемся.

Произнося эти слова, я небрежно прижал к столешнице скрещенные пальцы левой руки. Ребята быстро переглянулись, опасливо посматривая на окна, а я кивнул. Голову даю на отсечение, снаружи дом облеплен Зелеными, отличающимися особенно тонким слухом. Небольшая доза дезинформации им не помешает.

Это понравилось не всем.

– Эван! – возмущенно вскинулся Роланд.

– Да? – мягко отозвался я, поворачиваясь к нему. – Ты будешь говорить первым? Что нового в твоём районе?

– Какого хрена! У нас сейчас есть заботы поважнее!

– Какие? – поинтересовался я.

Он осекся, потом неуверенно сказал:

– Ну, надо решить, как нам выбраться из этой западни...

– И как же? – все с тем же искренним интересом спросил я. – Кое-кто засветил наше укрытие, и теперь там, – я ткнул большим пальцем за плечо, – собралось две сотни Зеленых. А может, и три, Жнец их знает. Они стоят вокруг поляны, как частокол, и, судя по всему, уходить не собираются. Что ты предлагаешь делать в такой ситуации? Я жду конкретных идей.

Роланд посмотрел на меня с отчаянием, но я был безжалостен.

– Нет? В таком случае прекрати дергаться и займись делом. Расскажи, что происходит в твоём районе.

– Эван, так нельзя, – сказала Флейм.

– А как можно, Флейм?

Она не ответила. Вернулись близняшки. Арлетт поставила передо мной бутылку. Я горячо поблагодарил, счистил с горлышка клейкую массу, откупорил, отпил не глядя и даже не нюхая. Горло ожгло огнем, но это было именно то, в чем я сейчас нуждался.

– Блеск, – утерев рот, хмыкнул я и поднял глаза на сидящих в гробовом молчании соратников. Они смотрели на меня с ужасом, отчаянием и... да, жалостью, Жнец подери. Это меня просто взбесило, но я держал себя в руках. Не время

размениваться на такие мелочи.

– Роланд, я жду.

Он глубоко вздохнул и начал говорить. Его люди выяснили, что Зеленые собирают большие силы к южной части лесов. Нет, ему не известно, насколько большие. Вероятно, не меньше трех тысяч, потому что двигаются они крайне медленно.

– Дураками родились, дураками и помрут, – с презрением сказал Грей. Я кивнул одобрительно. Парень явно понимает что к чему. Возможно, пришло время доверить ему подразделение. Должен справиться.

– Дуглас, что у тебя?

Этот бесстыжий проходимец мялся и заикался, не решаясь поднять на меня глаза. Это он привел хвост, опрометчиво воспользовавшись старой, давно вышедшей из употребления тропой. Теперь, успев вдоволь на него наораться, я чувствовал, что он нуждается в поддержке больше, чем любой из нас. Я подбадривал его взглядом и кивками, но до конца рапорта он дотащился с видимым трудом. Кажется, все вздохнули с облегчением, когда он закончил.

– Паулина?

И даже наша радость, услада очей наших, сладкоголосая шлюшка, которую мы ретиво подкладывали в постель людям Шерваля и которую ничто в мире не способно было вогнать в краску, отчиталась с видом школьницы, не выполнившей домашнее задание. Это уже становилось просто смешно. Я

продолжал выдергивать их по одному, тормозил, заставлял думать. Им придется многое сделать без меня. Не то чтобы я не был в них уверен, но мне будет спокойнее подниматься на виселицу, зная, что дело моей жизни цветет и ширится. А всё проклятое тщеславие. Никто из нас его не лишен...

Через полчаса, выслушав всех, я вроде немного их расшевелил: глаза снова заблестели, голоса стали громче, увереннее, мои ребята уже перебивали друг друга, предлагая варианты, то и дело перемигиваясь и беззвучно смеясь в паузах между репликами, – похоже, игра их увлекла. Впрочем, до обычной бурной дискуссии, не раз заканчивающейся рукоприкладством, по-прежнему было как до неба.

– Ладно, – сказал я наконец и положил на столешницу пальцы правой руки, давая понять, что скажу правду, – Грей, я думаю, тебе пора взять подразделение.

Он резко выпрямился, Паулина восторженно захлопала в ладоши. Послышались одобрительные возгласы.

– Возьмешь пять человек, – продолжал я. – Отберешь сам. Займетесь... северо-западом. Там уже почти чисто, но еще три или четыре деревни остаются под местным лордом. Разберетесь.

– Да, Эван, – с восхищением сказал Грей.

– Роланд, – я повернулся к нему, хлопнул по плечу. – В мое отсутствие ты остаешься за главного.

Все разом притихли. Я понял, что действительно заставил их на время забыть о ситуации, в которой мы оказались, и

они только теперь вернулись к реальности. Эх, а жаль. Выйти бы сейчас на поляну, потянуться, хрустнуть позвонками... Развести костер, послушать песни Юстаса, утащить Флейм в кусты... Я поймал ее растерянный, бегающий взгляд и понял, что она думала о том же.

– Перестань, – резко сказал Роланд. – Ты никуда...

– Слушай, хватит, ладно? – устало попросил я. – Ты же знаешь... вы все знаете, что другого выхода нет.

На этот раз никто не возразил. Они сидели полукругом: лучшие мои люди, близкие друзья... все тут – почти все, кроме одного. Самого близкого, пожалуй. Но сейчас я был рад его отсутствию.

– Мы можем принять бой, – вдруг сказал Юстас. Я вздрогнул от неожиданности, за какой-то час успев привыкнуть к его молчанию. Наши взгляды встретились. Он смотрел спокойно, судя по всему, непоколебимо уверенный в том, что говорит дельные вещи, и меня вдруг охватила дикая злость.

– Можем! – резко ответил я. – Еще как можем! Пойдешь в первых рядах, будешь крушить черепа Зеленых своей лютней! А? Что скажешь?

– Не думаю, что это даст ощутимый результат, – невозмутимо ответил он, похоже, ничуть не задетый моим тоном, – но я готов попытаться.

Мгновение я не сводил с него глаз, потом, врезав кулаком по столу, поднялся.

– Знаете что... – начал я и осекся. Они стали подниматься:

все, почти одновременно. Неизменные арбалеты уже были в руках, Роланд, Уинтер и Сайрс положили ладони на мечи. Флейм достала кинжал и, попробовав пальцем кончик лезвия, спрятала в ножны, по-прежнему сжимая рукоятку.

– Мы тебя не отдадим, – мягко прошелестел сладкий голосок нашей Паулины.

Я окинул их взглядом, внутри как-то странно защемило: то ли смеяться захотелось, то ли плакать. Знать бы, что они потом не пожалеют, если останется кому жалеть... Знать бы.

– Сядьте.

– Эван... – начала Флейм.

– Сесть, я сказал!

Они поколебались, потом неохотно вернулись на свои места. Я остался стоять, хотя ноги охватила слабость.

– А теперь послушайте меня. Да внимательно послушайте! Бравата – это хорошо, но вы должны думать о том, ради чего мы всё это делаем. Важен результат, а не средства, понимаете?

– Ты не можешь быть средством, – сказал Дуглас.

– Кто угодно может быть средством! – отрезал я, – Хватит бахвалиться! Кто вы такие, Жнец вас подери? Вы арбалетчики, партизаны, вы бандиты с большой дороги. Вы привыкли бить изподтишка, из засады, под прикрытием листьев. Молчать! – резко сказал я, когда Роланд и другие мечники гневно зароптали против такой клеветы. – Как бы то ни было, нас здесь всего десять человек. А там, за стенами, – две сотни

солдат. Как вы собираетесь с ними справиться?

– Мы умрем с честью! – пылко сказал Юстас. Мне захотелось врезать ему со всей силы, но я сдержался, только холодно посмотрел мимо него на сжавшихся близняшек.

– Линнетт, иди сюда, – приказал я. Она тут же вскочила. Арлетт вскочила тоже, но я рявкнул:

– Сиди! Я позвал Линнетт!

Она растерянно опустилась на место. Линнетт подошла, смущенно улыбаясь. Я шагнул к ней, рывком схватил за волосы, дернул, повалил на колени, выхватил ее кинжал и приставил к горлу, запрокинув ей голову назад. Линнетт шумно вдохнула, хватая воздух широко раскрытым ртом. Все ахнули, повскакивали с мест, Арлетт ринулась ко мне. Я наотмашь ударил ее по зубам, а когда она рухнула на пол, придавил ее шею носком сапога.

– Хороши воины, нечего сказать, – с отвращением проговорил я, отпуская обеих. Девчонки отпрянули, тесно прижимаясь друг к дружке. Линнетт всхлипывала.

– Ты что, сдурел?! – заревел Роланд. – Они ведь женщины!

– А ты думаешь, Зеленым не плевать, женщины они или нет? Для солдат они в первую очередь легкие жертвы! И все вы знаете, что девчонки далеко не худшие из здесь собравшихся, – я безжалостно посмотрел на Юстаса. – Вас перережут как свиней. А меня возьмут все равно.

Линнетт заплакала. Арлетт гладила ее по голове. Роланд сверлил меня свирепым взглядом, многие хмурились. Юстас

глядел с укором. Флейм смотрела как-то странно, я не мог понять смысла ее взгляда.

– Ты намекаешь, что мы хреновые бойцы, да? – наконец проговорил Дуглас.

«Конечно, нет. Нет, вы самые лучшие», – хотел сказать я, и не покривил бы душой. Но если бы я сказал это, они бы стояли за меня стеной, и Зеленым пришлось бы разгрести гору трупов, чтобы выволочь меня из-под нее. А эти ребята слишком хороши, чтобы умирать вот так.

– Слышали? Это слова Дугласа, не мои, – холодно сказал я.

Все молчали. Я чувствовал нарастающую враждебность и в который раз удивился тому, как легко управляю их настроением. Сейчас мне нужно было вызвать у них злость – если немного повезет, они сами вытолкают меня за двери. Во всяком случае, их преданность под влиянием оплеванного самолюбия дала временную слабину.

– Вы отличные стратеги, – сказал я, делая вид, что пытаюсь утешить их. – Спротивлению нужны ваши головы, а не руки.

– Твоя голова нужнее всех наших вместе взятых, – проговорила Флейм, и я быстро, чтобы не дать им времени осмыслить ее слова, ответил:

– Глупости! Каждый из вас отвечает за серьезную часть работы, а я всего лишь координирую ее. Роланд прекрасно справится... Да, Рол?

Он молчал и только сопел, видимо, еще не отойдя от оскорбления, которое я нанес ему, а заодно и всем остальным. Мне вдруг стало стыдно перед ними, но только на миг.

– Так что прекратите маяться дурью, – резковато сказал я, пытаюсь сдержать дрожь в голосе. – Мы всё обговорили, заместитель назначен. В следующий раз соберетесь... без меня. Только место смените.

– Ты и за дураков нас тоже держишь? – проревел Роланд. Юстас метнул в него пристальный взгляд. Я понял, что недолго смогу удерживать среди своих соратников враждебное настроение, и поспешно отступил.

– Нет. Я знаю, что вы справитесь. Иначе бы...

– Иначе бы что? – тихо спросил Грей.

Я запнулся, мотнул головой. Мой взгляд упал на початую бутылку ядерного пойла. Я схватил ее, жадно присосался к горлышку и пил не отрываясь, пока из глаз не потекли слезы. Потом со стуком поставил на место, шумно выдохнул, вытер глаза и поднял голову. Спирт ударил в виски, с силой погнал кровь по сосудам. Я взглянул в окно. Зыбкий лесной воздух, еще совсем недавно напоминавший цветом сажу, теперь подходил на сырой пепел. Скоро рассветет.

– Ну, пора прощаться, что ли? – хрипло проговорил я.

Юстас сорвался с места, подскочил ко мне, крепко обнял, тут же отстранился. Роланд смотрел на него ошалело. Я сглотнул, стал остервенело пропихиваться к двери, на ходу пожимая руки и хлопая по плечам. Паулина повисла у меня

на шею.

– Мы тебя вытащим! – в отчаянии выкрикнула она, метнув умоляющий взгляд па Грея. – Отобьем по дороге! Ты ведь сам сказал: из засады мы кого угодно сделаем!

– Это верно, – с легким удивлением согласился я.

– Точно, – оживился Роланд, его суровое лицо просветлело. – Так и сделаем! Ну всё, парень, недалеко тебе ехать, не расслабляйся.

– Будьте осторожны, ребята, – серьезно сказал я, и они усердно закивали. Уже у самой двери меня догнала Флейм, обняла за плечи. Я обхватил ее за талию, притянул к себе, впился ртом в податливые губы. Мы целовались долго, иступленно, я беззастенчиво лапал Флейм за мягкие места, не смущаясь чужих взглядов. Потом оттолкнул ее от себя, силой расцепив упрямо сжавшиеся на моем затылке руки.

– Ну, прощайте, – неловко усмехнулся я, кладя мокрую ладонь на ручку двери. Уронил взгляд на арбалет, сиротливо лежащий рядом с полупустой бутылкой. Внезапно внутри всё скрутилось тугим холодным узлом, и я заторопился, боясь, что он затянется еще туже.

– До встречи! – угрожающе поправил Роланд. Я кивнул, криво улыбнулся и не в силах больше видеть их лица, на которые снова возвращалось беспомощное отчаяние, толкнул дверь.

Свет факелов ослепил меня. Я замер, слушая внезапно поднявшийся шорох: солдаты распрямляли одеревеневшие

от долгого сидения спины, вскидывали луки и арбалеты. Зазвенела сталь, заскрежетали мечи, вытягиваемые из ножен. Я пошел вперед, глядя ниже уровня пламени факелов и пытаюсь рассмотреть того, кто возглавлял эту ораву. В самом деле ораву: кажется, их было еще больше, чем я решил сначала. Никак не меньше двух сотен, и это только те, кто окружил поляну. Наверняка лес на милю вокруг нашпигован солдатней.

– Стоять! – звонко крикнул кто-то со стороны оцепления. Я остановился, поднял руки, демонстрируя миролюбивые намерения.

– Бросить оружие!

– Да какое на хрен оружие? – внятно сказал я, старательно выискивая в толпе одинаковых, словно близнецы, невымытых и небритых солдат, того, кто непременно должен был устроить мне торжественную встречу. Увидел – за миг до того, как презрительно поджатые губы шевельнулись, отдавая приказ, к которому я морально был почти готов.

– Взять его!

Ко мне ринулась целая толпа, сопя и звякая железом, и это меня почти восхитило. Учитывая то, что я вышел сам, был безоружен и явно не собирался сопротивляться, вполне хватило бы двух человек. Так нет же, набросилось не менее шести, и мне это немного польстило. Пока они связывали меня, я апатично размышлял, не ходят ли уже среди Зеленых легенды о моей невиданной силе, о которой ну никак не

догадаешься, глядя на мою не слишком внушительную комплекцию.

Потом меня поставили на ноги и подтащили к предводителю, отличавшемуся от своих подчиненных как солнце от булыжников. Изящный, стройный, аристократ с головы до пят, в до блеска начищенных латах из белого металла, с, как ни странно, отнюдь не безвкусным плюмажем на шлеме. Плюмаж, естественно, зеленый, но, судя по осанке, его обладатель как минимум генерал, хоть и вассал Шерваля. Надо же, какая честь.

Он медленно оглядел меня с ног до головы, и в его глазах читалось желание прикоснуться ко мне, дабы убедиться, что я настоящий. Наконец, удовлетворенно кивнув, он негромко проговорил:

– Эван Нортон, вы арестованы по обвинению в мятеже.

– Чьим именем? – немедленно спросил я. Изящный лорд уставился на меня с изумлением, словно понятия не имел, что я умею говорить.

– Именем его высочества герцога Шервальского, – поколебавшись, наконец ответил он.

– С каких это пор его высочество обладает правом арестовывать? Насколько мне известно, он сам разыскивается войсками нашего августейшего монарха.

Глаза изящного лорда забежали.

– Всё равно, – неловко ответил он. – Вы нарушили законы королевства и будете препроведены в Арунтон для суда

и следствия.

Арунтон. Ближайший отсюда город, лояльный к мятежно-му брату короля. Суд и следствие, как же. Вздернут, небось, на первой же достаточно высокой ветке. Если повезет. Могут и четвертовать.

– Я требую, чтобы меня судили в столице. С предъявлением обвинений именем короля. По всем правилам. Иначе это просто разбой, – продолжал издеваться я, наслаждаясь ситуацией. Изящный лорд смотрел беспомощно, чувствуя, как позорно слетает с него незримый венец исполнителя воли высшего закона. Наконец он присмотрелся ко мне внимательней, пригнулся ближе, с отвращением отпрянул.

– Да вы пьяны! – потрясение воскликнул он.

– Вас это шокирует? – улыбнулся я, прекрасно осознавая правоту его слов.

– Уберите, – поморщился изящный лорд, отворачиваясь. Меня стали оттаскивать в сторону, и я крикнул:

– Эй, а как насчет моих людей? Вы обещали дать им уйти, если я сдамся!

Изящный лорд обернулся, сдержанно улыбаясь, и меня замутило от этой улыбки.

– Граф Гленован держит свое слово, – вкрадчиво сказал он. – Ваши люди смогут уйти, как и было обещано. Но не сейчас. Им придется посидеть в этом укромном местечке до завтрашнего утра, ибо мне не слишком хочется терпеть лишние хлопоты, защищаясь от их попыток отбить вас по дороге

в Арунтон.

Я представил лица моих несчастных соратников, прильнувших к щелям в заколоченных окнах, представил глупую, отчаянную надежду в их глазах и усмехнулся. Бедняга Роланд изведется муками совести, когда поймет, что замещает меня отнюдь не временно. Странно, что люди столь отчаянно нуждаются в оправдании собственных слабостей.

ГЛАВА 2

Потрескивание пламени догорающей свечи. Блеклое сияние зарождающегося утра за окном. Скрип пера о пергамент. Далекий звон шпор, гроыхание торопливых шагов. Стук распахивающейся двери.

– Милорд, прибыл гонец от полковника Гленована. Нортон арестован. Они будут в Арунтоне к концу недели.

Тягучая капля сорвалась с заостренного кончика пера, растеклась по пергаменту.

– Он жив? Невредим?

– Вероятно, да. Гленован ничего об этом не сообщал.

– Хорошо. Казнить гонца.

– Милорд?!

– Ты меня слышал.

Недоуменно вскинутые брови, влажный блеск в бегающих глазах. Отрывистый поклон: слово сюзерена – закон. Любое слово.

– Да, милорд.

Торопливо удаляющиеся шаги. Он отбросил перо, побарабанил пальцами по бархатной скатерти, запустил их в волосы, сжал, дернул. Подумав, удовлетворенно кивнул, снова взял перо, вытащил из стопки чистый лист, склонился гшд столом.

«Дорогая моя, прекрасная леди Аттена...»

Меня повезли с комфортом, на крытой телеге, вероятно, в срочном порядке конфискованной у одного из местных крестьян. Я заснул почти мгновенно, примостившись среди пышного сена, – обычно даже от гораздо меньшего количества выпитого меня неудержимо клонит в сон. Сейчас же беспробудное пьяное забытие было именно тем, в чем я нуждался.

Я спал крепко, сладко и довольно долго. Проснувшись с тяжелой головой и куском ваты вместо языка, я увидел, что солнце уже давно миновало зенит и почти скрылось за кромкой деревьев. Я с трудом сел, проваливаясь в сено, прислонился спиной к матерчатой стенке телеги и выглянул наружу. Солдат было не очень много, человек двадцать сзади и столько же спереди – жалкая кучка по сравнению с армией, оцепившей наше укрытие. Ехали по лесной дороге, справа и слева плотной стеной стояли деревья, и я вполне мог понять опасения Гленована – буквально каждый ярд земли здесь будто создан для засады. Но я-то знал, что ее некому устраивать. Разве что Ларс... Но он сейчас далеко.

Дорога была заросшей, ухабистой, телегу шатало из стороны в сторону, колеса подпрыгивали на колдобинах. Меня тошнило, страшно хотелось пить. И кто только варил то пойло? Руки бы поотрывал. Я закрыл глаза, стараясь дышать глубже. Перспектива продолжать путешествие в луже собственной рвоты казалась не слишком привлекательной.

Через несколько часов пошел дождь. Редкие капли забарабанили по крыше повозки, потом из разверзшихся небес хлынуло по-настоящему. Матерчатое покрытие набухло, вода стала просачиваться сквозь ткань... Я подставил пылающее лицо холодным каплям, слизнул влагу с пересохших губ. Странно, но мне сразу стало немного получше. Открыв глаза через несколько минут, я посмотрел на успевших вымокнуть до нитки солдат и почувствовал себя отмщенным. Гленован, ехавший за телегой, перехватил мой взгляд, и я ехидно улыбнулся ему.

– Перебирайтесь ко мне! – крикнул я, перекрывая шум мокрых плетей, лупивших по латам солдат. – Здесь довольно уютно!

К моему несказанному удивлению, он кивнул, бросил повод одному из всадников, спешил и на ходу забрался в повозку, попутно отдавив мне ноги.

– Осторожнее, – поморщился я.

– Прошу прощения, – Гленован уселся напротив меня, снял шлем, из-под которого хлынули потоки воды. Сено немедленно промокло. Я поежился, почувствовав, что замерз.

– Надо же, как припустило, – хмыкнул Гленован и оценивающе посмотрел на меня. – У вас тут по крайней мере сухо.

– Охотно поменяюсь с вами местами, – воодушевленно заверил я, и он засмеялся.

– Вряд ли мое общество в данный момент доставит его

высочеству столько же удовольствия, как ваше.

– Вы полагаете, его высочество станет тратить время на разговоры?

– Не сомневаюсь, – сказал он и утер свое аристократичное лицо затянутой в перчатку ладонью, стряхивая капли. Я смотрел на него с интересом.

– Неблагодарная работа, не правда ли?

– Как сказать. Если не считать земель, замков и титулов – то да.

– С деньгами сложнее, верно? – усмехнулся я. – Его высочество просто разорится с этой армией. Приходится брать количеством, а не качеством.

– Вас интересуют деньги, да? – вдруг серьезно спросил Гленован. Я снова усмехнулся, повел затекшими плечами.

– А вы как думаете?

– Герцог даст вам денег, если захотите. И столько, сколько захотите.

Я насторожился, но виду не подал. Такой поворот разговора был неожиданным, хоть и вполне вероятным. Шерваль пытается купить всех. Это его стратегия. Однако то, что он заинтересован во мне не только как в источнике информации, оказалось для меня новостью.

– Ну, учитывая то, что у меня нет ни земель, ни замков, ни титулов, начать можно было бы с этого, – абсолютно серьезно сказал я.

Гленован покосился на меня с подозрением. Несмотря на

аристократическую внешность, дураком он не казался. Но я смотрел на него кристально чистым взглядом, и он смутился.

– Об этом с вами уполномочены говорить другие люди, – неуверенно сказал он. – Однако я полагаю, что такое предложение будет иметь место.

– Как альтернатива эшафоту? Проклятье, что ж вы раньше молчали!

Его взгляд немного прояснился. Я чуть было не предложил ему развязать меня и продолжить деловые переговоры двух равных людей, но вовремя прикусил язык. Нет, дураком он всё-таки не выглядел.

– Конечно, я не могу утверждать это наверняка, – поспешно проговорил Гленован, видимо, не желая меня слишком обнадеживать. – Видите ли, милорд расположен к вам довольно... благосклонно. Но среди его окружения немало людей, жаждущих увидеть вас в петле, а лучше на дыбе. Думаю, вы это знаете.

Еще бы! Я даже мог бы назвать поименно. В первую очередь граф Седлтон, чью армию мы основательно потрепали за последние полгода. До чего же он свирепствовал, когда каждый его гарнизон, расположенный в южной части Айдентонского округа, неизменно уничтожался не позднее чем через два дня после расквартирования. Ему понадобилось четыре месяца, чтобы понять, что, продолжая обновлять гарнизоны, он попросту посылает своих людей на бойню. Как они прочесывали леса! Одни пни остались, зверье сбежало

в северное полесье. Почему-то Седлтон был уверен, что где-то в сердце леса стоит неприступная крепость, в которую мы приходим ночевать, пить и спать с женщинами. Каждый судит в меру своей развращенности. Мне было совсем не жаль его разочаровывать.

Потом – маркиз ле Кайрак, не менее пылкий мой поклонник. Мы превратили его скромное загородное поместье, коим он считал один из крупнейших восточных округов, в сущий ад. Теперь господин маркиз не мог ни поохотиться, ни развлечься налетом на деревню без того, чтобы не потерять половину своей свиты. Этот тип был редкостным подонком, мы вычищали округ от его людей методично и с удовольствием. Помнится, я сам с неизъяснимым наслаждением всадил в его плечо арбалетный болт. Целился в горло, но этот гад что-то учуял и увернулся, как раз когда я нажал на спуск. Говорят, с тех пор у него плохо работает левая рука, а прежде маркиз славился зрелищными поединками на двуручниках. Он должен сильно меня ненавидеть за такой удар по его самолюбию, ведь теперь он не сможет блеснуть мастерством на турнирах, и женщины станут намного менее охотно посещать его постель.

А еще лорд Гриндер... Мы проникли в его замок под видом бродячих артистов и без особого труда удерживали форт больше месяца, а потом просто ушли, выпив всё вино, съев все запасы и оставив в замке полный разгром. И сэръ Уолдер Битти, с которого я смеха ради сшиб стрелой шлем в

ту самую минуту, когда он цеплял на свое копьё платок пухленькой чернявой леди, готовясь сразиться за право назвать ее самой красивой женщиной мира с сэром Лайоном, графом-купцом, обоз которого мы спустили в Ренну несколькими месяцами раньше... И многие, многие другие. За четыре года мы сделали немало, – так могло показаться, если вспоминать поименно всех обиженных, униженных и оскорбленных снобов, которых мы на минутку тыкали наглыми рожками в их собственное дерьмо. Но на самом деле всё это оставалось шалостями, злым ребячеством взрослых людей, с которыми не слишком ласково обошелся этот мир.

Правда, был еще Урсон. Я никогда не встречался с ним, и кое-кого это удивляло. Меня же – нисколько. Я понимал, почему предводитель партизанского движения, вот уже семь лет портившего жизнь, нервы и настроение королю Гийому Пятому и его брату Доновану Шервалю, никогда не изъявлял желание встретиться с человеком, державшим под контролем Восточные Леса. В этом просто не было необходимости. Видимо, Урсона устраивало то, что я делал, а координировать наши действия он не считал нужным. Он занимался Южными Лесами, степью и Северо-Западом, а большая часть этих земель всё еще была занята войсками законного монарха. Восток же принадлежал Шервалю, медленно, но верно теснившему своего венценосного брата к столице. Теоретически эту часть королевства проще контролировать, и мне кажется, что Урсон просто разрешил нам

резвиться в Восточных Лесах – вероятно, воображая себя благодетелем, позволяющим мне потешить самолюбие в качестве предводителя крупного партизанского объединения. Возможно, интуитивно он чувствовал во мне соперника. Хотя вряд ли – умный человек предпочел бы держать потенциального противника недалеко, чтобы иметь возможность наблюдать за его действиями попристальнее. Как бы то ни было, я никогда не встречался с Кайлом Урсоном, а он никогда не видел меня. Мне же этого и не хотелось. Я опасался, что, встретившись с человеком его статуса, дам молчаливое согласие быть втянутым в политику. Хотя разве я не втянут в нее и так по уши? Да, теперь, пожалуй, да. Но диверсии моих арбалетчиков были и по сей день оставались для меня лишь способом согнать высокомерные ухмылки с тонких губ господ аристократов. Так уж случилось, что эти улыбки я ненавижу больше всего на свете.

Дождь прекратился так же резко, как и хлынул. Гленован взглянул на небо, по которому быстро ползли тучи, и стал вылезать из повозки.

– Уже меня покидаете? – огорчился я.

– Да, пожалуй, – кивнул он с таким видом, будто хотел добавить: «Я уже выяснил всё, что хотел». Всё-таки дурак. А ведь не подумаешь сначала.

– Приходите еще. Тут такая скукотища.

– Скоро весело станет, мерзавец, – резко сказал кто-то над моей головой. – В Арунтоне тебе скучать не дадут.

Я посмотрел на говорившего: он казался мне смутно знакомым. Гленован соскочил с повозки в глубокую глинистую лужу, взглянул на мрачного, как туча, всадника с легким укором, в котором сквозила насмешка – можно было не гадать, над кем.

– Зачем вы так, капитан? благородный человек должен сохранять снисхождение к побежденным.

– Тем более что не бывает окончательных побед, – добавил я и приветливо улыбнулся, – Вижу, вы прекрасно себя чувствуете, капитан Фальгер. Как поживает ваше... э-э... седалище?

Он скрипнул зубами, сплюнул, целясь мне в лицо, но в меткости капитан ненамного превосходил своих лучников, с которыми мы часто имели дело в последние полгода. Один из них был настолько нерасторопен, что подстрелил собственного капитана в место, которым тот имел обыкновение думать. Лучника повесили, но это не смогло смыть пятна позора с бедняги Фальгера, несколько недель ездившего верхом стоя. Его мужество восхищало меня, а глупость растраивала. Мне нравятся сильные противники. Нет никакого смысла унижать высокородных идиотов: они и так уже унижены самим фактом своего существования.

– Этот вопрос недостойн дворянина, – надменно сказал Гленован, явно не оценив мою заботливость.

– Не спорю, – согласился я. – Мне повезло, что я не дворянин и могу задавать какие угодно вопросы. Так как ваше

здоровье, сударь?

Фальгер издал тихий предупреждающий рык, хлестнул коня и умчался вперед, окатив меня грязью.

– Порой вы меня удивляете, – неприязненно проговорил Гленован.

– Только порой?

Он не ответил, высокомерно глядя поверх телеги. Роскошный плюмаж на его шлеме вымок и висел, как мочало. Готов поспорить, сиятельный лорд уже жалел о нескольких минутах, которые мы провели вместе в интимном полумраке крытой повозки, и теперь опасался, что его примут за сочувствующего Сопротивлению. С другой стороны, он явно знал о планах Шерваля, касавшихся меня, больше, чем говорил, и считал разумным сохранять со мной нейтральные отношения. В самом деле, кто знает, вдруг его высочеству взбредет в голову произвести меня в рыцари? После победы, разумеется. А почему бы и нет? Ведь сделали же баронетом крестьянина, зарубившего главнокомандующего армии шангриерцев, когда тот спешил у колодца напоить коня. Мужик был помешан на заговорах и порчах, и ему почудилось, что этот странный тип, одетый не по-нашенски, сыплет в колодец какую-то дрянь. Чем хуже лесной партизан, подстреливший пару десятков высокородных дворян, выбравших в гражданской войне не ту сторону?

Эти мысли немного развлекли меня, и какое-то время я молча улыбался им, вызывая настороженные взгляды Глено-

вана. Но всё это ерунда, и я прекрасно это понимал. Конечно, Шерваль не убьет меня сразу. Меня ждут долгие задушевные беседы с его адъютантами, и местечко для них подберут не менее интимное и сырое, чем то, где я откровенничал с Гленованом. Они, конечно, захотят узнать состав и дислокацию отрядов, планы, карты, укрытия, имена... И я всё расскажу. Всё – потому что есть предел боли, которую может вынести человек. И я, в отличие от самоуверенных олухов вроде Роланда, имею смелость признаться в этом хотя бы самому себе. Ну а потом... потом виселица, или, если я буду отвечать на их вопросы достаточно расторопно, – эшафот. Быстрее и благороднее. Хотя меня всегда смешили рассуждения о «благородной» и «неблагородной» смерти. Смерть бывает быстрой и медленной, мучительной и легкой. Только это важно, когда она дышит тебе в затылок. А рассуждения о благородстве – для тех, у кого нет ничего другого.

Гленован больше не заговаривал со мной, Фальгер тоже. Остаток дня я уныло протрясся на мокрой соломе и вздохнул с облегчением, когда конвой остановился на ночевку. Меня привязали спиной к раскидистому дереву, земля под которым была почти сухой, поесть не дали и веревки на ночь не ослабили. Я прикинул, что тем черепашиным шагом, которым тащится отряд, до Арунтонна не менее пяти дней пути, и безрадостно подумал, что к тому времени, когда мы доберемся до города, руки у меня попросту отвалятся. Я уже сейчас их почти не чувствовал.

Костры горели допоздна, солдаты пили и пели, довольные тем, что, в отличие от своих соратников, оставшихся караулить моих людей, наконец движутся к городу. У них уже в печенках сидели эти леса, и я мог их понять. У меня они тоже в печенках сидели. Но здесь есть люди, которым я нужен... «Был нужен», – тут же поправил я себя. И пусть их привязанность ко мне объясняется всё тем же статусом, только уровнем ниже, – я для них то же, что Гленован для своих солдат, – мне порой приятно обманываться мыслями о том, что хотя бы здесь, хотя бы так я что-то для них значу.

Ближе к середине ночи разговоры и крики утихли, по лагерю прокатилась волна раскатистого храпа. Мне показалось, что я узнаю гортанный присвист Фальгера. Часовых расставили много, я насчитал восьмерых, квадратом оцепивших лагерь. Даже если бы я не был связан, прошмыгнуть мимо них оказалось бы делом непростым. Я подумал о моих людях, оставшихся в лесной хижине. Всего три человека с арбалетами разделались бы с этой компанией в два счета. Но я был один, и у меня не было арбалета.

Я попытался уснуть, но ничего не получилось. Выспался днем, да и поза оказалась на редкость неудобной. Тогда я просто закрыл глаза и стал вдыхать запахи ночного леса, такие привычные, такие ненавистные: запах мокрой коры, прошлогодних трав, молодых листьев, тяжелой сырой земли. Теперь, вдыхая их, наверное в последний раз, я вдруг с удивлением понял, что они значат для меня довольно мно-

го, несмотря на то, что это место так и не стало моим домом. Я подумал про Флейм, про Юстаса, Роланда, Грея, Дугласа, про близняшек... Про Ларса – жаль, что мы не успели попрощаться. Для меня много значило его рукопожатие. Он должен вернуться только через два месяца – его группа разбиралась с армией Форстера далеко на юго-западе, почти на границе со степью, и мороки там оказалось больше, чем мы думали. Конечно, он довольно скоро узнает о том, что случилось прошлой ночью в одном из укрытий партизан Восточных Лесов – слухи ширятся быстро, – но к тому времени я уже буду далеко...

Странно, эти мысли почему-то успокаивали меня. В них было что-то умиротворяющее, что-то теплое, что-то, от чего веяло стойким ощущением надежности... Я почувствовал, что меня клонит в сон. Что ж, это к лучшему. Проснувшись, я постараюсь принять то, что меня ждет. У меня есть на это четыре дня. Надо успеть. Благородство – чушь собачья... Но есть еще достоинство. Мне хотелось бы его сохранить.

Во сне я видел Ларса. Вернее, не видел: он стоял за моей спиной, придерживая меня сзади за локти, и упрямо твердил: «Наверх, ну посмотри вверх, посмотри! Ну разуй же глаза, Эван!» Я смотрел вверх, но ничего не видел – только высокий, как башня, дом с пустым балконом под самой крышей. Ларс твердил без умолку: «Ну посмотри, посмотри же!», а я никак не успевал ввернуть пару слов и сказать, чтобы он отпустил мои руки, я и так всё прекрасно вижу. На-

конец, когда я уже начал раздражаться, на балконе мелькнуло что-то белое. Человек – кажется, женщина. Я попытался разглядеть ее получше, и в этот миг Ларс захрипел у меня за спиной, тут же каким-то образом оказался впереди и рухнул прямо на меня, заливая мои ноги и живот чем-то липким и очень горячим... Я уставился на него, не понимая, почему всё еще не могу шевельнуть руками, потом увидел, что это не Ларс, а солдат Зеленых, только что стоявший на вахте справа от меня. И лишь тогда понял, что не сплю.

В первый миг меня захлестнула волна восторга, хотя вид мертвого солдата, вальяжно развалившегося у меня на коленях лицом вверх, был далек от того, что я понимаю под эстетикой. Я вскинул голову, ожидая встретить панику среди солдат, мечущихся по поляне с торчащими из спин и ног стрелами, но не увидел ничего подобного. Семеро часовых все так же стояли квадратом, неотрывно глядя в темноту, остальные спали вповалку у костров.

Я перевел взгляд на мертвого солдата, примостившегося на моих коленях. И вдруг понял, что его убили отнюдь не из арбалета. Нет арбалетного болта, который мог бы разворотить живот до такой степени, что в рану можно без затруднений погрузить обе руки.

Не наши?.. Но тогда кто?

У меня не было времени поразмыслить на этот счет. Ближайший ко мне часовой захрипел и осел у ног рослого широкоплечего человека, напомнившего мне комплекцией Ро-

ланда. Но Роланд, как и все мы, носил легкую кожаную одежду, а этот человек был закован в латы. Он мягко оттолкнул от себя тело, сопроводив это движение странным жестким скрежетом, и неспешно двинулся к следующему часовому. Он резал их тихо и быстро, а они только вертели головами, словно не видя его, и изумленно вскрикивали за миг до того, как он выпускал им кишки. Солдаты у костра проснулись, заволновались. Гленован и Фальгер вскочили одними из первых, похватали мечи.

– Проклятье, да что там происходит?! – в гневе крикнул кто-то. Я смотрел на них во все глаза, почти уверенный, что у кого-то из нас не в порядке с головой. Скорее всего у меня, потому что, судя по всему, я один вижу человека, спокойно и методично вырезающего мой конвой.

Солдаты метались по поляне, гремя оружием, а рослый человек в латах неторопливо двигался между ними, без замаха бил коротким мечом направо и налево, и там, где он проходил, люди падали как подкошенные. Поляна наполнилась криками отчаяния, перемежаемыми всё тем же странным скрежетом, от которого ломило зубы. Гленован упал, Фальгер заметался, рыча и выставив перед собой меч. Человек остановился в нескольких шагах от него, выждал, когда нечеловечески напряженные руки немного расслабились, и, шагнув вперед, ударил капитана мечом в солнечное сплетение. К тому времени на поляне осталось не более пяти живых Зеленых. Незнакомец разделался с ними в считанные мгно-

вения. Постоял, оглядывая место резни. И двинулся ко мне.

Я не сводил с него глаз и, если бы мог, дал бы отсюда деру. Что-то мне подсказывало, что меня он убивать не собирается, но человек, без труда перерезавший отряд Зеленых лишь потому, что они по какой-то немыслимой причине его не видели, не вызывал у меня особого доверия.

Он подошел ко мне, остановился, присел на корточки. Наши головы оказались друг напротив друга. Забрало шлема было опущено, но, несмотря на то, что его лицо находилось совсем близко, я не видел глаз сквозь щели. Он качнулся, и я снова услышал этот странный скрежет – словно железо трется о железо, только как-то сухо, хрустяще. Ржавчина, вдруг понял я. Его латы покрыты ржавчиной.

– Спасибо, приятель, – сказал я, чтобы хоть что-то сказать, и удивился тому, каким слабым и дрожащим был мой голос. – Ты мне здорово помог. Сам бы я...

Договорить я не успел. Человек протянул руку (железная перчатка была покрыта неровными темными пятнами, но я почему-то не думал, что это кровь), схватил меня за горло и, сдавив, коротко встряхнул. Мой затылок с размаху врезался в ствол дуба, в голове затрещало, перед глазами поплыли цветные пятна. Последнее, что я успел увидеть – черная расщелина опущенного забрала. И вдруг подумал, что не уверен, есть ли за ней глаза.

ГЛАВА 3

Злобный вой ветра в трубе. Пугливое пламя факела. Гулкая песня воды: с каменного потолка – на каменный пол. Кап. Кап. Холодный пот, быстро бегущий по спине. Бледное, спокойное лицо, негромкий охрипший от ярости голос.

– Что ты говоришь?!

– Вырезаны, милорд! Как щенки! Им всем вспороли животы, а они даже не сопротивлялись! Их мечи чистые, ни капли крови!

– А Нортон?!

– Исчез.

С трудом сдерживаемый стон раздирает губы. Лицо – как камень, с которого и на который звучно капает вода.

– Прикажете объявить розыск? Можно предложить награду...

– Нет! Об этом никто не должен знать. Никто, ты меня слышишь?!

– Да, милорд.

– Нортон был доставлен в Арунтон этой ночью и заключен в подземную тюрьму. До вынесения приговора.

– Да, милорд.

– Гленован и Фальгер отправлены в Южные Леса. Вместе со своими солдатами.

– Да, милорд... Это все арбалетчики! Проклятые парти-

заны!..

– Наши люди убиты стрелами?

– Нет... но...

– НЕТ! Без всяких НО! А впрочем...

Сухое натирание ладоней, нервные шаги, звон золоченых шпор.

– Впрочем, да. Это мысль. Оставь пару трупов. Отбившись от отряда. Жертвы бесчеловечной мести арбалетчиков за своего командира. Настолько бесчеловечной, что я не могу это так оставить... Говоришь, им вспороли животы?

– Вся поляна в кишках.

– Отлично. Пошли отряд. Пусть выжгут эту часть леса на десять миль вокруг. В назидание. Заодно и следы уничтожат.

– Слушаюсь.

Удаляющиеся шаги. Раздраженный хруст фаланг, нетерпеливый вздох. Короткий взгляд на овальный сток для крови в дальнем конце камеры. Долгий – на мертвую громадину дыбы в дальнем углу.

Тоненький, далекий женский крик.

Вязкое тепло толчками разливалось по телу: от плеч к кончикам пальцев, от висков через сердце к ногам, к ступням, медленно и уверенно. Я попытался открыть глаза, понял, что не могу, и с некоторым запозданием осознал, что и не хочу. Я лежал на спине, подо мной было что-то восхитительно мягкое – мягче перины, на которой я спал в детстве,

когда еще жил с отцом при дворе. Наверное, такими мягкими бывают только облака...

Эта мысль меня несколько беспокоила. Уж не на райских ли тучках я раскачиваюсь? Я смутно помнил, что потерял сознание весьма неприятным образом. Если быть точным, из меня попросту вышибли дух. И теперь он, этот дух, почивает на небесной перине, отдыхая от бурной и беспокойной земной жизни...

Я с усилием раскрыл глаза, на большее я сейчас вряд ли был способен. Передо мной было что-то темное... что-то красное... темно-красное – я разглядывал его не меньше минуты, прежде чем понял, что смотрю в низкий потолок из красного дерева, инкрустированный лепными барельефами темно-коричневого гипса.

Не рай. И то хорошо. На ад, в общем-то, тоже не похоже. Я попытался повернуть голову, но не смог. Мне оставалось лишь рассматривать потолок, но и это занятие меня быстро утомило. Я устало прикрыл глаза, вздохнул. Интересно, где я? Но об этом можно подумать немного позже...

Не знаю, когда я открыл глаза в следующий раз... Потолок не изменился, впрочем, разве потолки склонны меняться со временем? Во всяком случае, не так быстро. А вот я изменился, вернее, мое состояние – поднапрягшись, я теперь мог поворачивать голову из стороны в сторону и даже сжимать и разжимать пальцы. Я сделал и то и другое, затем, удовлетворенный прогрессом, постарался сконцентрироваться на ме-

сте, в котором находился. Это оказалось непросто: комната кружилась, плясала, манила за собой и ускользала, не давая прикоснуться. Я снова закрыл глаза, отступив, но не сдавшись. Кое-что я всё-таки успел заметить. Комната небольшая, выдержана в красных тонах. И в ней, кажется, нет окон.

При следующем пробуждении я смог повести плечами и даже приподнять голову. Комната всё еще подпрыгивала, но, по крайней мере, на одном месте. Мне же в данный момент была нужна лишь точка отсчета.

Теперь я видел, что комната роскошна. Именно роскошна: красное дерево, бархат, позолота. Матерчатые обои на стенах, лакированные панели, дверь...

Дверь. Дубовая, обитая листовым железом.

Без ручки на внутренней стороне.

Я опустил голову на подушку. Кровать широкая, пятеро улягутся без проблем. Еще в комнате был круглый стол, одни только ножки которого можно смело назвать произведением искусства. Кажется, пара стульев... И больше ничего.

Всё мне. Одному. Кто-то считает меня достойным подобных апартаментов. Благодарности я почему-то не испытывал.

Героическая попытка обдумать ситуацию отозвалась такой болью в висках, что я застонал и отказался от этой идеи. Не сейчас, не теперь... Пока что можно просто полежать, наслаждаясь непривычной мягкостью перины и сладкой истомой, растекающейся по телу. А подумать я еще успею. Торо-

питься, судя по всему, некуда...

Дверь медленно раскрылась – в ту ли минуту, когда я решил сделать передышку, или несколько часов спустя – не знаю. Но появившаяся в проеме женщина словно вышла из моих самых смелых сексуальных фантазий – высокая, полногрудая блондинка с упругим и сильным телом, тонкой талией и аппетитным задиком. На ней было почти прозрачное платье, придерживаемое лишь невидимой шлейкой через плечо. Она несла поднос, на котором стоял высокий кубок, истекавший томным дымком. Женщина подошла к моей постели, уселась, изящно закинув ногу на ногу. Не помню, что она говорила и говорила ли. Я выпил то, что она принесла, а потом она легким, едва уловимым движением сбросила окутывавшую ее газовую ткань и, оставшись в чем мать родила, проворно забралась на меня верхом. Я только в этот миг понял, что одежды на мне столько же, сколько на ней.

Не знаю, что было дальше, а потому не могу ручаться, что не ударил в грязь лицом. Впрочем, если и так, никаких возмущений и обвинений от красавицы не последовало. Боги, это была женщина моей мечты!

Я отрубился еще до того, как она с меня слезла. Меня погасили, словно свечу. А слегка очухавшись, я снова не мог шевельнуться, и мне оставалось лишь лежать и рассматривать лепку на потолке. Потом приходили другие женщины – черноволосые, белокурые, рыжие... Все – сущие богини. Они поили меня одной и той же дрянью, от которой я входил

в ступор, а потом отключался, но до того, как это происходило, успевали забираться на меня и без устали терзать мою мужскую плоть. Мне было плохо. Несколько раз меня тошнило прямо на большегрудых красавиц, чем они нисколько не смущались. Честно говоря, я не уверен, что они существовали вне моего воображения. Учитывая то, чем меня опаивали, в этом не было бы ничего удивительного.

Не знаю, сколько это длилось. Мне удалось насчитать пять приходов блондинки, четыре – брюнетки, рыжеволосая приходила трижды. Я даже не пытался говорить с ними, одно время я был серьезно обеспокоен вопросом, есть ли у меня все еще язык: во всяком случае, я его не чувствовал.

И за все это время, которое, как потом выяснилось, длилось гораздо дольше, чем казалось, я не мог, не в состоянии был заставить себя думать. Я лежал, словно растение, словно труп, не ел, не пил ничего, кроме горячего безвкусного пойла, который мне подносили в одинаковых кубках одинаковые одалиски с одинаковыми улыбками, занимался сексом, ходил под себя и смотрел в украшенный лепкой потолок. Помню, однажды я очнулся и понял, что не знаю, как меня зовут. Это меня не на шутку напугало. Пожалуй, в тот день я был особенно активен, а мои прекрасные тюремщицы проявили первые признаки беспокойства. В тот день (вечер, ночь, неделю?) меня вырвало дважды, и они заставили меня выпить двойную порцию дурманящей жижи, видимо, не желая давать моему размякшему, растекшемуся и разваливаю-

щемуся телу ни малейшей поблажки. Они были настроены весьма решительно.

Было очень странно не думать – особенно первое время, потом я привык. Лепка на потолке стала центром и смыслом моего существования. Она напоминала мне красивый, неестественно ровный и уже расползающийся от старости по древесному стволу гриб чаги, и эта ассоциация вызывала слабые, далекие отголоски чего-то, что я тысячу лет назад называл воспоминаниями. Я силился понять, откуда знаю, что такое чага, и что такое деревья, и какими бывают древесные стволы. Я чувствовал, что за всем этим есть что-то еще и это «что-то» имело нечто непривычное в моем новом, душном и однообразном мире – запах. Я пытался ухватиться за этот тоненький отголосок памяти, но он упорно ускользал от меня, дразня сливающимися ароматами. Тут были и запахи людей, которых я не помнил, и другие запахи, влажные и сильные, неживые, странные – я не понимал, я забыл, что может так пахнуть. Всё это сбивалось холодным липким комом и билось под красным потолком моей роскошной тюрьмы, как бьется пойманный зверь в слишком тесной для него клетке. Несколько раз мне казалось, что я не могу дышать, и тогда этот ком словно обрушивался на меня – чага отрывался от ствола и, подрагивая, несся вниз. Он падал мне на лицо, гниющие склизкие споры забивали ноздри и рот, и я понимал, что умираю. Думаю, в те минуты в моих жилах было больше дурмана, чем крови, и тело, протестуя, просто от-

торгало столь дерзкий и грубый подлог. Но, боги, что я-то мог поделаться?

И это длилось, длилось, больше не было ни дней, ни часов, ни минут – только липкий ком коричневых незнакомых запахов, время от времени срывающийся мне на лицо, и жаркие похотливые суки, заливающие мне в рот одуряющее пойло.

А потом они перестали приходить.

Сначала мне было плохо. Гриб в очередной раз сорвался с насиженного места на потолке, растекся по моему лицу, заполз в рот, нос, уши, глаза. И остался там. Наверное, я тогда умер. Должно быть, даже не один раз. Не исключено, что они меня воскресили. Они умели это делать.

В один прекрасный день я сел в постели, впервые после того, как очутился в этом месте, и наконец освободился от вонючей коричневой слизи. Счистил ее с лица, содрал с глаз. Больше всего ее оказалось во рту. Я выскребывал языком и сплевывал на землю склизкие клочья. Они расползались с тихим шипением и таяли, оставляя влажные пятна на мраморном полу. Потом меня вытошнило снова, уже в последний раз, и я впервые за долгое время почувствовал себя чистым. Это настолько воодушевило меня, что я даже смог встать.

Я стоял, подняв голову и глядя прямо перед собой, и не сводил глаз с человека, появившегося в дверях. Он был стар и довольно красив. Ясные глаза сияли на лице, черты которого были безупречно правильными и четкими. В его осан-

ке, манере держать голову, немного насмешливом изгибе губ ощущалась спокойная мужественная сила. Длинная широкая накидка красного цвета скрывала фигуру незнакомца. Я не видел его рук, и это мне почему-то не нравилось. Пламя факелов отбрасывало блики на его блестящий, абсолютно лысый череп.

«Я должен бояться этого человека», – подумал я, и это была первая моя мысль за всё время, проведенное в этом неприятном месте.

Человек долго смотрел на меня прозрачными, как стекло, глазами, без интереса, без жалости, как смотрят на мебель, потом легонько кивнул кому-то за своим плечом. Ко мне двинулись темные, мутные фигуры – мне они казались тенями, размазанными по стенам и силой чьей-то воли отделившимися от плоского камня. Они могли прикоснуться ко мне, а я к ним не мог: мои пальцы проваливались сквозь них, это было всё равно что пытаться схватить воду. Они крепко держали меня, а человек в красном подошел ко мне вплотную. Я не мог сопротивляться, не мог кричать, всё еще не мог думать, и мне оставалось только смотреть в его водянистые глаза. Он поднял руки. Его ладони сжимали небольшую чашку, очень простую, глиняную, даже без глазури. В ней плескалось что-то черное, блестящее, похожее на смолу. Ужасный трупный смрад ударил мне в нос, и это был первый запах, который пришел извне, а не из моих смутных прерывистых воспоминаний. Человек медленно поднес чашку к

моему лицу, всё так же пристально глядя сквозь меня и по-прежнему не издавая ни звука. Стены покосились, поплыли в сторону, а красный человек остался, протягивая мне чашку, наполненную смертью.

Я подождал, пока холодная глина коснулась губ, и изо всех сил мотнул головой. Чашка звонко стукнула по моим зубам, вылетела из рук человека в красном, покатила по толстому ковру. Он спокойно наклонился, поднял ее и снова поднес к моему лицу. И я увидел, что ни капли вонючей черной смолы не пролилось.

Бесплотные пальцы схватили меня за волосы, запрокинули голову назад, чужая рука зажала нос. Я рефлекторно открыл рот, хватая воздух, и тягучий кипяток полился мне в глотку. Я поперхнулся, судорожно глотнул, безумно боясь захлебнуться этим трупным раствором, и вдруг с удивлением понял, что вкус у него очень приятный: сладкий, пьяный, с чуть странноватым привкусом железа. «Это же моя кровь, – вдруг понял я. – С этой дрянью смешалась моя кровь, сочащаяся из разбитых губ».

Меня отпустили. Я пошатнулся, слепо махнул рукой в поисках опоры и тут же почувствовал под ладонью костистое твердое плечо. Меня передернуло, но я почему-то не отпрянул. Сознание снова окутало дымкой, как тогда, когда я принимал дурманящее пойло из рук женщин, похожих на галлюцинации. В глазах же светлело, словно кто-то энергично счищал грязный налет с витражного стекла. Я впервые ви-

дел комнату совершенно ясно, кажется, лучше, чем когда бы то ни было, а я ведь никогда не жаловался на слабое зрение. Окружающие меня вещи и существа внезапно приобрели болезненную четкость; мне показалось, что я вижу пылинку, забившуюся в морщину, пролегшую меж прямых бровей человека в красном. Я снова посмотрел в его глаза, различая мельчайшие цветовые колебания радужки. Я хотел спросить... не знаю, что я хотел спросить. Меня внезапно охватила спокойная, непоколебимая уверенность, что спрашивать не о чем, что происходящее совершенно необходимо, что это единственная безусловно правильная вещь, которая когда-либо происходила в моей жизни.

В следующую минуту существа, похожие на тени, бережно подняли меня над своими головами. Я чувствовал их холодные пальцы на своих плечах, спине, пояснице, ногах, и вдруг странное тепло мелкими импульсами просочилось сквозь мою кожу от их темных размытых тел. Я закрыл глаза, не желая больше рассматривать лепку потолка. Не знаю, когда они тронулись с места – я не чувствовал движения. Меня пронзали короткие уколы лучистого тепла, странно контрастировавшего с прикосновением десятков ледяных пальцев на моей коже, и почему-то это было хорошо. Черная смерть, которую влили мне в рот несколько минут назад, понеслась по жилам, выжгла кровь, оставив вместо нее тонкий сизый дымок, и теперь по-хозяйски растекалась в новом русле, окутывая мозг и сердце неповоротливыми холодными волна-

ми, – и это было хорошо. Мне было хорошо. Как никогда в жизни – ни до... ни после.

Если вы спросите меня, что произошло потом, куда эти существа отнесли меня, что они сделали со мной, я не смогу вам ответить. Я знаю лишь, чем мне это казалось. И хотя позже Алоиз – человек в красном – подтвердил мою догадку, думаю, у него просто не было иного выхода. Они ведь накачивали меня дурманящими напитками, чтобы исказить мое восприятие – с какой стати им было опровергать фантазии, заменившие мне на долгое время реальный мир? И, говоря по правде, я не хочу знать, как это было на самом деле. Потому что даже во сне это было слишком страшно.

Мне казалось, что я открыл глаза в огромном круглом зале, вдоль стен которого стояли люди в черном, безликие, одинаковые, молчаливо вззирающие в землю. Мне казалось, что зал тихим зеленым пламенем освещают тысячи свеч. Мне казалось, что посреди зала на полу выведен ровный круг, исчерченный непонятными мне письменами, что в центре круга высится небольшой алтарь с украшающей его каменной статуэткой, а в двух противоположных точках этого круга стоят деревянные кресты.

Я надеюсь, что мне это только казалось. Потому что и теперь у меня стискивает горло при одной мысли о том, что было дальше.

Меня поднесли к одному из крестов, прислонили спиной к гладкому, отполированному дереву и прикрепили ремня-

ми к крестовинам мои запястья и щиколотки. Человек в красном вышел в центр круга, подошел к алтарю, стал перебирать мелкие вещи, лежащие на нем, словно ножи на разделочном столе. И вот странно: я видел муху, быощуюся в паутине в дальнем углу зала, но предметы, скользившие между узловатых пальцев «красного», оставались подернуты дымкой – мне казалось, он погружает руки в туман.

Гулко загрели шаги – я вздрогнул всем телом, кажется, впервые услышав в этом месте звуки. Они доносились со стороны, противоположной той, откуда принесли меня. Человек в красном оторвался на миг, поднял голову.

Люди вдоль стен оставались неподвижны.

В зал вошли плоские тени, в точности такие же, как те, что холодили меня своими пальцами. Они двигались плотно сбитой толпой, подняв руки над головами, и на этих руках, вытянувшись в струну, лежала обнаженная женщина. Ее глаза были закрыты, грудь тяжело вздымалась, белые как снег волосы растеклись по головам и плечам несших ее существ. Тени поставили ее на ноги возле другого креста, привязали, как и меня, потом отступили в темноту. Женщина всё еще была без сознания и обвисла на кресте, опустив голову на грудь. В болотистом пламени свечей ее тело и волосы казались зелеными, делая ее похожей на утопленницу. Человек в красном подошел к ней, твердой рукой взял за подбородок. Он стоял спиной ко мне, и я не видел, что он делает, но женщина вдруг взвыла, выгнулась, задергалась. Человек в

красном быстро наклонился ниже, что-то зашептал, и я почувствовал укол ревности: мне они не соизволили сказать ни слова. А слова, должно быть, были сладкими: женщина тут же успокоилась, тихо и жалостливо поскуливая. Человек в красном отпустил ее, отвернулся, снова подошел к алтарю. Посмотрел вверх, вздохнул, повел плечами. Его губы слабо шевельнулись, словно он просил у богов благословения. Он отступил на несколько шагов, опустился на колени, уткнулся взглядом в землю. Десятки, если не сотни, темных фигур, стоявших вдоль стен, опустились на колени вслед за ним.

Я и эта женщина остались единственными, кто стоял на ногах.

С грохотом распахнулась дальняя дверь, обнаружив этим свое существование. Брызнул зеленый свет. Коленопреклоненные тени опустились еще ниже. Из света выступил высокий молодой мужчина. На нем была одежда такого же покроя, как и на человеке в красном, только ослепительно белого цвета. Он шел уверенным размашистым шагом закаленного в сражениях воина, рядом с ним, смешно подпрыгивая, почти бежал лопухий, коротко стриженный подросток. Он первым достиг алтаря, остановился у самых ступенек, встал на колени, с интересом посмотрел на меня. Мужчина, шедший за ним, подошел к алтарю. Стукнул кулаком в раскрытую ладонь, воздел руки к небу, быстро заговорил что-то на неприятно резком наречии, словно перекатывая языком острые камни. На его правой руке не хватало двух пальцев.

Люди в черном повторяли последние слова каждой его фразы, монотонно, равнодушно, и очень скоро у меня загудело в голове. Мне хотелось сказать им, чтобы они заткнулись, но язык словно налился свинцом. Привязанная к кресту женщина снова повисла на ремнях, совершенно равнодушная к происходящему. Мальчишка у алтаря твердил слова молитвы, как нерадивый ученик твердит зазубренный урок, беспрестанно бросая на меня полные любопытства взгляды. Зал наполнился монотонным гулом, напоминавшим гудение пчелиного роя, бьющегося о стены запертого ящика. Мне уже стало казаться, что это никогда не кончится, когда жрец наконец умолк. Он опустил руки, повернулся к мальчишке, что-то негромко сказал на всё том же языке. Подросток с готовностью вскочил, поднялся по ступенькам алтаря, погрузил руки в пенящуюся дымку и извлек из нее грубую глиняную чашу, как две капли воды похожую на ту, из которой меня заставили напиться смерти. Мужчина в белом принял ее обеими руками и пошел к женщине. Мальчишка юркнул за ним, встал возле женщины, откинул ее волосы, обнажив бледные груди. Жрец взял чашку в левую руку, окунул указательный палец правой в вязкую черную смолу, вкус которой тут же ожил на моих губах, и медленно прочертил ею меж грудей женщины вертикальную полосу от впадинки на горле до пупка. Жидкость потекла ниже, капнула женщине на бедро. Жрец отвернулся от нее и двинулся ко мне.

Я напрягся, с изумлением обнаружив, что еще на это способен. Человек подошел ко мне вплотную, снова окунул палец в чашку, потом, не глядя мне в лицо, медленно прочертил на моей груди такие же линии. Я содрогнулся от того, какой холодной была жидкость, еще недавно обжегшая мне горло. Человек в белом обернулся к подростку, вложил чашку в его протянутые руки. Потом поднялся к алтарю, погрузил ладони в белесую дымку и вынул из нее предмет, при одном виде которого у меня сердце подскочило к горлу.

Это был мясницкий тесак. Огромный, тяжелый, с остро наточенным лезвием и крюком у обуха. Дымка над алтарем медленно заколыхалась, начала таять, обнажая голый отполированный камень.

Жрец торжественно шагнул вниз, зажал тесак двумя руками, подошел к женщине, медленно замахнулся и вонзил лезвие точно в вертикальную линию, прочерченную меж ее грудей.

Мне показалось, что я закричал, но никто не шевельнулся и не повернул головы. Наверное, мне в самом деле только показалось...

Женщина захрипела. Кровь толчками хлестала из ее рассеченной груди прямо на белоснежное одеяние жреца. Тот запустил ладони и залез под нижние ребра и резким движением внизу вверх и в стороны взломал грудины жертвы. Женщина завывала, вскинув вымазанный в крови подбородок вверх, ее широко распахнутые глаза были дикими и со-

вершенно пустыми. Жрец невозмутимо разворотил ее грудную клетку и, придвинувшись еще ближе, погрузил ладони в кровавое месиво. Склонил голову, рванул (раздался жуткий вскрик), отступил и отвернулся от изуродованного, повисшего на ремнях трупа, сжимая в руке еще пульсирующее сердце.

Я смотрел на него, как на сошедшего с небес Запредельного, и удивлялся, почему меня всё еще не вырвало. Ведь на моей груди тоже был нарисован смолянистый крест.

Жрец снова шагнул на ступени алтаря и трепетно положил на гладкий камень кусок окровавленного мяса, минутой назад гнавшего жизнь по сосудам беловолосой женщины. Потом отступил со смутной улыбкой, пьяно блуждающей по губам. Остальные участники приношения подняли головы, уставившись на мертвое сердце. Они смотрели и смотрели, словно ждали чего-то.

Что бы это ни было, оно не случилось.

Улыбка медленно сползла с губ жреца.

Мальчишка, стоящий у алтаря с тесаком в опущенной руке, встревоженно нахмурился, завертел головой. Человек в красном дрогнул, стал подниматься с колен. Люди у стен зашевелились, по залу пронесся тревожный шепоток. Жрец протянул руку, коснулся вырванного из груди женщины сердца, словно не веря своим глазам, и вдруг тихо, отчаянно, изумленно выдохнул:

– Это... это не она!

Первые слова, услышанные мною за долгое-долгое время. Я не знал, что они значат, я даже не понял их смысла, хотя они были сказаны на моем родном языке, а не на режущем слух ритуальном диалекте. Но они выражали удивление, растерянность, беспомощный гнев человека, который, без сомнения, собирался сделать со мной то же, что и с несчастной женщиной, изувеченный труп которой висел на кресте напротив. А потому они обрадовали меня. Вернее, обрадовали бы, если бы мог чувствовать что-то помимо липкого, ленивого ужаса.

Шепот среди теней перешел в бормотание, бормотание – в шум. Они вставали с колен, перекрикивались, демонстрируя злость и растерянность. Жрец пошатнулся, оперся об алтарь, словно у него внезапно подкосились ноги. Подросток подскочил к нему, подхватил под локоть. Жрец оттолкнул его, круто повернулся, встретился взглядом с человеком в красном, неподвижно стоящим между мной и алтарем. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, а потом человек в белом закричал, завопил во весь голос:

– Слышишь, это не она! – и, схватив истекающее кровью сердце, яростно швырнул его в стену. Кусок кровавого мяса тяжело пронесся мимо меня, шлепнулся о камень, свалился на пол. Как гриб, падающий на мое лицо с потолка...

Я закрыл глаза. На сегодня с меня было довольно. Что бы тут ни творилось, очевидно, представление отменяется. Я стоял, опустив потяжелевшие веки и прижавшись затылком

к кресту, и слушал обрушившуюся на меня лавину звуков: крики, всхлипы, стук, топот. Постепенно всё это слилось в сплошной монотонный гул, и мне вдруг безумно захотелось спать. Черная смерть, циркулирующая по моим жилам, продолжала вести себя по-хозяйски с телом, зная не зная о том, что жертва ускользнула от нее. По крайней мере пока.

Я почувствовал, что свободен, и устало опустил руки, только теперь ощутив, как затекли плечи. Тонкие бесплотные пальцы снова подхватили меня, понесли, всё так же быстро и бережно, по-прежнему пронзая мое тело стрелочками странного тепла. Какое-то время я наслаждался этим двойственным ощущением, а потом, кажется, уснул.

Возможно, всё это мне просто приснилось.

Надеюсь, что так.

ГЛАВА 4

Влажная тряпка скользит по ледяному полу, размазывая воду и кровь. Согнутая спина, мозолистые руки (на правой не хватает двух пальцев – в память о... о давних временах), тупая боль в груди и горле. Страх. Безотчетный, беспричинный, бессмысленный.

– Что ты делаешь?..

– Я не могу понять. Это кровь, смотри. Видишь? Это не ЕЕ кровь.

– Встань сейчас же, я позову младших...

– Нет. Я хочу понять. Хочу увидеть, что мы сделали не так.

– Ласкания могла ошибиться?

– Нет. Я не знаю. Я уже ничего не знаю. Безымянный, мы были так близко! Мы еще никогда не были так близко!

– Успокойся. Мы и теперь близко. Надо только найти ее.

– Как? У нас ведь даже в мыслях не было, что Миранда...

– Короткий вздох. Тихий щелчок коленных суставов. Уже четыре руки месят кровавую воду: красное рядом с белым, забрызганным красным.

– Дай я...

– Придется разбудить Стальную Деву.

Слова камнем врезаются в стену, бьют по губам безжалостной ладонью.

– Что?.. Что ты говоришь?!

– А если мы опять ошибемся? Что тогда? Сколько, по-твоему, это может продолжаться?

– Ты же знаешь, чем это чревато! А кроме того, если она наломает дров, мы уже не сможем скрывать происходящее от Ристана! Это ты хоть понимаешь?!

– Что еще ты предлагаешь сделать?

Пауза. Четыре руки на тряпке: четыре руки и восемнадцать пальцев. Взгляд через блеклую кровь: глаза в глаза.

– Она ведь... она еще хуже, чем...

– С мужчинами это всегда проще, ты же знаешь. Ничего, как-нибудь управимся. В конце концов, она ведь тоже служит ему.

– Ты думаешь, она еще помнит об этом? – Молчание. Тягучее, словно воск, стекающий со свечи.

Проклятье, ну и чушь иногда приснится, удивленно думал я, открывая глаза. Не знаю, что я ожидал увидеть – закоптившиеся балки, бледно-голубое небо или лицо Флейм, но наверняка не красный потолок, украшенный лепкой. Ведь этот потолок остался там, во сне, в котором у меня хотели вырвать сердце.

Я резко сел, чувствуя, как гулко стучит пульс у горла. Меня обуревало странное чувство: словно, очнувшись ото сна, я понял, что явь от него ничем не отличается, но от этого сон не переставал быть сном. Всё, что случилось, – далеко, мутно, за дымкой, похожей на ту, что колыхалась над камен-

ным алтарем. Я помнил себя в этом сне, помнил свинцовую тяжесть в теле, неспособность думать и неестественное спокойствие – то, что обычно бывает в снах. Теперь от всего этого не осталось и следа. А то, что окружает меня, – есть.

Я вскочил, ринулся к двери и заколотил в нее кулаками, сбивая пальцы о железо. Дверь распахнулась почти сразу – странно, я не слышал ни щелчка ключа в замке, ни скрежета отодвигаемого засова. Но дверь, тем не менее, была заперта.

Я отступил, глядя на человека в красном, появившегося на пороге. Можно было подумать, будто он стоял за дверью всё это время, ожидая, пока я продемонстрирую жгучее стремление пообщаться.

– Спокойнее, Эван, – вполголоса сказал он. – Сейчас я всё тебе объясню.

Такой прямой и бесхитростный переход к сути дела меня ошарашил. Я готовился к тому, что упрасивать придется долго, и был удивлен подобной благожелательностью. Человек прошел к столу, кивком позвав меня за собой, положил на кровать сверток, который, как я только теперь заметил, принес с собой, и спокойно сел на стул.

– Думаю, сначала ты захочешь одеться, – сказал он. Я только теперь понял, что всё еще разгуливаю в чем мать родила, и почувствовал, что краснею. Схватив брошенную на кровать одежду, я отвернулся и поспешно натянул ее на себя. Мысли у меня путались.

Закончив, я повернулся и бросил взгляд на дверь. Она

снова была закрыта.

– По порядку, – невозмутимо проговорил человек, предупредив поток вопросов, готовый хлынуть с моих губ. – Мое имя Алоиз. Это место – храм Безымянного Демона. Ты – Проводник, несущий в себе половину ключа к тюрьме, в которой заключен Безымянный Демон. Нам нужен не ты, а твоя половина ключа. Но поскольку она находится в твоём сердце, к сожалению, мы должны будем у тебя его забрать. С этим вышла небольшая заминка, поэтому теперь тебе придется пробыть здесь некоторое время, до тех пор, пока мы не найдем второго Проводника. Мы думали, что нашли его, вернее ее, но ошиблись. Новые поиски займут какое-то время. Его ты проведешь здесь. Скажи, если тебе что-нибудь нужно, тебе всё принесут. Если у тебя остались какие-то вопросы, я на них отвечу.

Я смотрел на него, размышляя, даст ли мне что-то, если я сейчас проломлю ему голову. Потом пришел к выводу, что вряд ли. Гораздо полезнее в данный момент будет узнать как можно больше об этом месте и о психах, открытым текстом заявляющих, что собираются вырвать у меня сердце из ритуальных соображений.

Я запоздало вспомнил, что Алоиз предложил мне задавать вопросы и, не сумев придумать ничего умнее, тупо спросил:

– Почему я?

– Это долгая история.

– Полагаю, у меня много времени. Или нет?..

– На это хватит, – коротко рассмеялся он. – Я мог бы и не рассказывать тебе всего этого... Но раз уж тебе предстоит прождать какое-то время, я предпочитаю просветить тебя на этот счет, хотя бы чтобы оградить и тебя, и нас от попыток сопротивления. Ведь это твоя судьба.

– Я не верю в судьбу, – криво усмехнулся я, чувствуя, как невольно холодею от спокойного, уверенного тона этого человека.

– Ты родился только потому, что наступила пора выпустить Безымянного Демона на волю. Ты обязан ему жизнью. По-моему, справедливо, что эту жизнь ты отдашь ему.

– Какого хрена! – воскликнул я, начиная раздражаться, но Алоиз мягко перебил меня:

– Я постараюсь покороче. Чуть больше тысячи лет назад Безымянный Демон был заключен в статую, которую ты видел на алтаре. Это случилось неожиданно, происками его врагов, и было большим несчастьем для всех нас. Произошло это во время жертвенного ритуала. Жрецы, проводившие его, до последнего сражались за свободу нашего бога, и в тот раз их кровь пролилась на алтаре. Безымянный Демон успел остановить руку Смерти, прежде чем она схватила их, потому что нашел способ освободиться. Понимаешь, никогда еще кровь жрецов не проливалась на жертвенном алтаре. Это уникальное явление, и, как любое уникальное явление, оно обладает огромной силой. Потому когда эта кровь снова

прольется на алтаре, Безымянный Демон воспользуется ее силой, чтобы вырваться на свободу. Но для этого ему требуется огромная внутренняя энергия. Заточение ослабило его, и он нуждался не менее чем в тысяче лет для восстановления сил. Тысяча лет прошла. И теперь кровь из сердец потомков тех жрецов должна пролиться на тот же камень.

– Мой отец был придворным гравером, – потрясенно проговорил я, – Дед – лесничим! Они сроду не имели никакого отношения к религии! Вы меня с кем-то спутали... как ту женщину!

– Нет, – слабо улыбнулся Алоиз. – Ты – Проводник.

– С чего вы так в этом уверены?!

– Тебя нашел Ржавый Рыцарь. Он был создан для того, чтобы найти тебя.

Холодные когтистые пальцы страха стиснули мое горло. В памяти всплыли темные очертания лесной поляны, сырые запахи недавнего дождя, хрип солдата, чья теплая кровь на моем животе, сиплый скрежет ржавых доспехов... Черная прорва щелей опущенного забрала – и отсутствие глаз за ними.

– Почему же вы не послали его за ней? – хрипло спросил я.

– Проводников двое: мужчина и женщина. Мужчину чувствует Ржавый Рыцарь. Женщину – Стальная Дева. Она... Мы думали, можно будет не использовать ее. О женщине-Проводнике известно довольно мало. Но нам казалось, что этого должно хватить. У Миранды были все признаки

Проводника, – в его голосе промелькнула грусть. – Сомнений не возникло... Не считая отсутствия подтверждения от Стальной Девы, но мы надеялись, что сможем обойтись без этого.

– Значит, она умерла зря, – сказал я, глядя на стену за его спиной.

Алоиз посмотрел на меня с удивлением.

– Кто?

– Она! Миранда! Женщина, которой один из ваших вырвал сердце!

Вертикальная складка, пролегла меж его бровей, стала глубже.

– Я знаю, – негромко проговорил он, – тебе трудно это понять...

– Трудно понять?! А вы бы поняли, если бы вам сообщили, что ваше сердце принесут в жертву каменному истукану?!

– Это не совсем жертвоприношение, – сказал Алоиз, игнорируя столь неуважительное отношение к своему богу. – Вернее, совсем не жертвоприношение. Безымянному Демону нужна не просто ваша кровь – ваш дух, ваша сущность. Вы станете анимой и анимусом его новой личности. Эван, ты не умрешь. У тебя заберут сердце, но ты не умрешь. Ты станешь частью бога. Если задуматься, ты должен испытывать благодарность.

– Серьезно? – восхитился я. – Знаете, что-то с этим никак!

– Жаль, – коротко сказал Алоиз и встал. – Ну, теперь ты знаешь в общих чертах, что от тебя требуется. Моя миссия выполнена. Какие-нибудь вопросы?

– Что вы со мной делали?

Мне показалось, что он ждал этого, хотя явно был не очень доволен.

– Это часть подготовки, – сухо вато сказал Алоиз. – Проводники должны резонировать друг с другом. Я знаю, это было неприятно, но теперь ты отдохнешь. Пока мы не найдем женщину-Проводника. Тебе что-нибудь нужно?

Он говорил так, словно мне предстояло немного позаниматься черной работой. Неприятной, но полезной. Конечно, всё, что говорил этот человек, – бред, но разве это меняет мое положение? Я смотрел на него, такого спокойно-го, такого доброжелательного за непробиваемой стеной собственных суеверий, столь привычных и очевидных для него и столь страшных и губительных для меня, и думал, что нет никакого смысла пытаться говорить с подобными людьми.

Да и о чем мне было с ним говорить?

– Дайте мне пергамент. И грифель, – сказал я, прежде чем понял, что хочу это сказать.

По лицу Алоиза скользнула тень удивления. Потом он кивнул, повернулся и вышел. За приоткрывшейся дверью я успел разглядеть смутно блеснувшие лезвия алебард.

Эх, жаль, что у меня нет арбалета.

После дурманного полусна, в котором я провел последнее

время, думать оказалось непривычно, но я сделал над собой усилие. Надо было выбираться отсюда, причем быстро. Я не знал, сколько времени займут у них поиски женщины, которую они считали составной частью для воскрешения своего бога. Но если эта Стальная Дева окажется хоть наполовину столь же расторопна, как существо, которое они называли Ржавым Рыцарем, случится это довольно скоро. Не знаю, то ли я все еще плохо соображал, то ли ситуация действительно была безвыходной, но придумать ничего стоящего я так и не смог. Возникло несколько идиотских идей вроде того, чтобы просимулировать попытку самоубийства или попытаться прорваться с боем, но я от них сразу же отказался. В конце концов, пришлось остановиться на беспомощном варианте ждать подходящего случая, хотя это был скорее жест отчаяния. На самом деле я просто боялся признаться себе в том, что я совершенно не знаю, что делать.

Моя просьба была удовлетворена быстро: не прошло и часа, как дверь снова открылась, впустив подростка, которого я видел в зале. Он несмело остановился у порога, переминаясь с ноги на ногу. Выглядел он очень неуклюжим и неуверенным, но в глазах смущения не было – только острое, пытлиное любопытство. Во мне что-то коротко екнуло – предчувствие, привычное для людей с моим ритмом жизни. Как правило, оно означало либо опасность, либо возможность использовать что-то в своих интересах. Так или иначе, я смутно, почти интуитивно ощутил, что с этим мальчишкой надо

быть повнимательнее... Вероятно, именно из-за спокойной уверенности, сквозившей в его взгляде, несмотря на неуклюжесть движений.

– На мне что-нибудь написано? – поинтересовался я.

Мальчишка вздрогнул и выпалил:

– Меня послали... тебе принести... вот!

Он быстро подошел к столу, дважды споткнувшись по дороге, положил передо мной несколько листков тонкого пергамента и грифельный стержень. И то и другое великолепного качества, даже у моего отца таких никогда не было. Я невольно потянулся к ним, всё еще удивляясь, что попросил Алоиза дать мне предметы для рисования. Не знаю, зачем я это сделал... Даже поднапрягшись, я не мог вспомнить, когда рисовал в последний раз.

– Ты художник? Я думал, ты партизан, – сказал мальчишка. Похоже, он был здорово разочарован.

Я невольно улыбнулся его непосредственности.

– Партизан, – заверил я. – Но иногда рисую.

– А с кем вы сражаетесь?

– Мы сражаемся с нехорошими дядьками, – насмешливо ответил я, подчеркнув это наивное, такое неуместное слово. – А ты как думал?

Мальчишка вспыхнул, веснушки на его горбатом носу потемнели.

– Мне, между прочим, шестнадцать лет, – надменно сообщил он. Я удивился, но деликатно это скрыл. На вид я не

дал бы ему больше тринадцати.

– Как тебя зовут? – спросил я, отодвигая пергамент.

– Джейкоб.

– Ладно, Джейкоб, тебе я скажу, хоть это и военная тайна.

Мы надираем задницы всяким лордам. Тем, которые много о себе воображают.

– Здорово! – оживился мальчишка. – А зачем?

Хм. А парень непрост – сразу зрит в корень. Такого бы мне в разведывательный отряд...

Я вдруг вспомнил, что нахожусь в руках фанатиков, собирающихся вырезать мне сердце, и вряд ли когда-нибудь еще займусь подбором людей в разведывательные отряды. От этой мысли у меня заныло под ложечкой, и я поспешно сменил тему.

– Знаешь, это сложный вопрос. Я тебе как-нибудь объясню... Потом.

– Хорошо, – легко согласился Джейкоб. – Ты ведь еще долго тут пробудешь.

Его общительность определенно мне нравилась. Мне хотелось предложить ему присесть, но я боялся спугнуть его. К тому же я не знал, имеет ли он право здесь находиться – может, просто заболтался. С другой стороны, спокойствие в его глазах и роль, которую он исполнял в кровавом обряде, свидетелем и почти участником которого я стал, явно говорили о том, что всё не так просто.

– Да? – небрежно спросил я. – И насколько долго?

– Алоиз говорит, что надо посылать Стальную Деву. А отец не хочет – боится. Они пока спорят об этом. Ну, в конце концов, они ее всё-таки пошлют. Отец всегда делает то, что говорит Алоиз. В общем-то, это правильно, Алоиз знает, как будет лучше. Отец и Ржавого Рыцаря будить не хотел, но они просто не знали, как тебя иначе найти – ты же всё время прчешься, хоть и не от нас...

– Подожди, подожди, – осадил я его. Всю жизнь я ненави-
дел таких трепачей, часто срывая зло на Юстасе, но теперь жадно глотал каждое слово, неосмотрительно вылетавшее из мальчишеских губ. – Твой отец? Кто он?

– Ты его видел. Он был главным в ритуале освобождения... Только ничего не вышло. Миранда не Проводник. Ну, я так и знал, мне казалось, что вряд ли такая, как она, будет Проводником.

Так. Значит, негодяй в белых одеждах – отец этого сопляка. Можно попробовать взять мальчишку в заложники...

– А каким должен быть Проводник? – быстро спросил я, боясь выдать молчанием свои намерения.

– Ну... Проводник – это кто-то особенный, правда? Если соединение двух Проводников позволяет воскресить Безымянного Демона... А она... она обычная какая-то была.

– А я? Необычный?

– И ты обычный, – со скепсисом проговорил Джейкоб, окидывая меня критичным взглядом. – О том я и говорю. Вот сейчас они спустят с цепи Стальную Деву, найдут вто-

рого Проводника, а вдруг потом с тобой выйдет так же, как с Мирандой...

Пульсирующий комок еще теплого мяса летит в степу, шмякается о нее, разрывается, истекает кровью... Только теперь это – мое сердце.

Бракованный продукт. Какая досада.

– Но ведь меня нашел Ржавый Рыцарь? – проговорил я, тщетно пытаюсь отогнать навязчивый образ. – Кто это такой, кстати?

– Не знаю, – сказал Джейкоб и вдруг нахмурился. – Заболтался я с тобой... Мне надо было только вещи передать.

Он отступил к двери, а мне оставалось лишь беспомощно смотреть на него, лихорадочно размышляя, что я сделал не так. Мне бы не хотелось повторять подобные ошибки в будущем. Если, конечно, у меня будет будущее.

– Ну всё-таки, – окликнул я мальчишку, когда он уже стоял в дверях, – сколько займут поиски... этого... второго Проводника?

Джейкоб замялся, пожал костлявыми плечами, отвернулся.

– Не знаю, – равнодушно повторил он. – Тебя искали три года.

– Сколько?!

– Подождешь, – с внезапной жесткостью отрезал он и вдруг вскинул на меня злой, совершенно недетский взгляд светло-карих глаз. – Миранда же тебя ждала.

Я вспомнил худую женщину неопределенного возраста, висевшую на кресте с разломанной грудной клеткой, женщину с длинными, молочно-белыми волосами. И только теперь понял, что ее волосы были не просто белыми.

Они были седыми.

Три года. Ну что ж, похоже, я слишком пессимистичен, полагая, что у меня осталось мало времени. Его у меня много.

Возможно, слишком много.

ГЛАВА 5

Монотонное гудение ветра в каминной трубе. Отблеск за-
тухающего пламени камина на мраморных стенах. Тихое по-
скуливание трехногой борзой, знающей о любви и преданно-
сти больше, чем все боги этого и других миров. Теплая рука
на облезлом песьем загривке.

Глаза в глаза. Молча – чтобы прочувствовать серьезность
момента. Очередное скрещивание двух разумов, двух волей.
Необходимое, почти ритуальное, как и всё, что они делают.
Уже привычное.

– А что Эван?

– Что – Эван? Почему он тебя так беспокоит? О Миранде
ты спрашивал гораздо реже.

– Миранда была женщиной. Она быстро смирилась.

– Мне кажется, он тоже смирился.

– Очень в этом сомневаюсь. Его хорошо охраняют?

– Перестань. Он не сбежит.

– Его деду это удалось.

– Тогда мы не были готовы к предательству... Почему ты
смеешься?

– Ничего... Просто вряд ли Эван согласился бы называть
это так.

– Но это так. Или, может, ты начинаешь склоняться к ере-
тичным идеям Ристана?

Холодок, проскользнувший в последних словах, сквозит по залу, тушит едва тлеющую лучину разговора. Борзая трется о колени плешивым загривком.

– К нему часто приходит Джейкоб.

– Я знаю.

– Это ты его посылаешь?

– Нет. Они просто подружились.

– Это опасно! С чего у твоего сына такая тяга к Проводникам?

– Чем это тебя смущает? Мне кажется, он умеет успокоить их.

– Он ребенок! Глупый и взбалмошный! Его способности еще не делают его взрослым человеком!

– Алоиз, от этого нет вреда. Ты предпочел бы пресекать ежедневные попытки к бегству?

– Честно говоря, да.

Короткий вздох. Гулкое, холодное эхо последнего слова бьется о ставни. Да. Да.

Джейкоб навещал меня часто. Мне удалось вытянуть из него немного – приходилось быть осторожным. Он мог болтать без умолку, но очень не любил, когда я прямо задавал вопросы. Чаще всего я сидел за столом и рисовал, держа пергамент на согнутом локте, а Джейкоб устраивался напротив, навалившись грудью на столешницу, и трещал безостановочно, кажется, даже не нуждаясь в моем внимании. Я стара-

тельно демонстрировал вялый интерес, внутренне жадно ловя каждое его слово. Уже к третьей такой встрече я понял, что дела мои в самом деле плохи.

Если верить Джейкобу, потомки двух жрецов, о которых рассказывал Алоиз, в течение тысячи лет не покидали стен храма. Они рождались, жили и умирали здесь, не имея права ступить за пределы монастыря без надзора. Насколько я понял, они считали это великой честью, богоизбранностью, и ничуть не возражали против такого насилия. Но примерно шестьдесят лет назад случилось невероятное. Двое потомков самоотверженных жрецов полюбили друг друга. Считалось, что их кровь не должна смешиваться, так как это породило бы качественно другую кровь, не способную помочь тому, кого они называли Безымянным Демоном (странное имя для божества...). Осознав, что не смогут быть вместе в пределах монастырских стен, эти двое нашли самый простой и очевидный выход – они решили вырваться из этих стен. За ними была погоня, но им удалось бежать. Однако судьба, будто подыгрывая Безымянному Демону, снова их разлучила. Всё, что могли сделать жрецы – это найти их потомков и, когда придет время, что должно было случиться уже через одно поколение, вернуть кровь жрецов в стены храма. Меня они нашли довольно быстро, а след женщины, сбежавшей отсюда вместе с моим дедом, затерялся. Было известно лишь то, что ее внучка, второй Проводник, родилась в дворянской семье Далланта на шесть лет позже меня.

Я никогда не знал своего деда. Если верить скудным сведениям отца, он умер очень рано, и всё, что о нем было известно – это что однажды мой прадед, лесник, нашел его в овраге раненым и умирающим, отнес в свой дом и выходил. А дед, то ли из благодарности, то ли от отчаяния, женился на глухонемой дочери лесника. Так появился на свет мой отец. Перспектива продолжить семейное дело его не прельстила, и он подался в город, где открыл в себе талант гравера, быстро поднявший его до уровня придворного ремесленника. На беду ему, на беду и мне.

Выходит, если верить мальчишке, мой дед родился в этих стенах, в этих душных красных степях, и всю жизнь знал, что единственное его предназначение – стать предком человека, чье сердце бросят на жертвенный алтарь. Он был племенным быком, и ему даже не позволено было поиметь племенную корову, к которой у него лежала душа.

Проклятье. А я-то думал, что более мерзкой моя генеалогия быть уже просто не может.

Меня живо интересовали те, кого здесь называли Ржавым Рыцарем и Стальной Девой, в особенности последняя – похоже, это была своенравная барышня, с которой даже эти палачи остерегались иметь дело. Джейкоб поведал, что Миранду они выследили сами и что вели себя с ней «неправильно» (когда он сказал это, в его рябых глаза блеснула угроза; что ж, нет ничего странного в том, что неопытному мальчишке его возраста приглянулась взрослая пленница).

Поэтому когда нашли меня, пришлось ждать еще некоторое время, пока Миранда не будет готова. Я снова вспомнил ее седые волосы и попытался представить, что он подразумевал под фразой «вели себя с ней неправильно» и в чем заключалась последующая «подготовка». Мне не хотелось думать о том, что меня ждет нечто подобное. Однако, как заверил Джейкоб, если его отец и Алоиз наконец решатся разбудить Стальную Деву, мне придется ждать совсем недолго. Я плохо понимал большую часть того, о чем он болтал с такой непринужденностью, – еще бы, ведь он всю свою жизнь провел среди этих безумных историй и верований. Могло стать так, что среди них и я проведу остаток своей жизни. Мне этого очень не хотелось. Поэтому я продолжал выпытывать: осторожно, шаг за шагом, становясь всё дружелюбнее и приветливее, хотя на деле мне очень хотелось схватить маленького засранца за горло и шарахнуть его головой о стену за то, с какой легкостью он говорил обо всех здешних зверствах.

Однако о Ржавом Рыцаре рассказать он не захотел. О Безымянном Демоне тоже, и мне не казалось, что подобное упрямство объяснялось лишь его неосведомленностью или запретом. Скорее, он по какой-то причине боялся говорить о них – так, как боятся поминать Жнеца. Я старался относиться к услышанному здесь как к бреду, но одна небольшая деталь выпадала из стройного ряда религиозной чуши, выстроенной здешними обитателями.

Солдаты Зеленых не видели Ржавого Рыцаря. Никто его

не видел. Только я.

Но еще важнее оказались сведения о том, что комната, в которой меня держат, находится под землей (странно, я совсем не чувствовал сырости) и что у двери постоянно дежурят двое охранников. Сколько их по дороге к выходу наверх и во дворе, я не знал, но для начала хватило и этого. Я достаточно верно оцениваю собственные физические способности и знаю, что не справляюсь с двумя вооруженными мужчинами, если у меня не будет хотя бы ножа... или арбалета. Всё-таки арбалеты – моя слабость. Роланд беззлобно говорит, что это – признак малодушия, но я на самом деле предпочитаю убивать с расстояния. Мне никогда не приходилось чувствовать, как содрогается тело, в которое я всаживаю сталь. И я не испытываю особого желания узнавать про подобное чувство. Конечно, в нынешних условиях на мои желания пришлось бы наплевать, но у меня ведь в любом случае нет оружия.

Всё это я обдумывал, быстро чертя грифелем по отливавшему перламутром пергаменту. Я очень много рисовал. Сам не знаю почему. В основном всякую ерунду: то, что видел вокруг себя. Мебель, узоры гипсовой лепки и инкрустаций панелей, другие рисунки, которые придумывались сами, даже без участия мозга, занятого упорными размышлениями о том, что делать дальше. Я с удивлением обнаружил, что рисование помогает мне сосредоточиться. И подумал, что надо будет использовать это, когда я выберусь отсюда. Вернее,

если я выберусь отсюда.

Джейкоб моими художествами не интересовался. Гораздо больше его волновала моя головокружительная карьера лесного партизана. Порой я развлекал его байками об отдельных операциях, чтобы у мальчишки не возникло ощущение того, что рассказывает только он, а я молча и подло слушаю. Он живо заинтересовался техникой стрельбы из арбалета, просто замучив меня расспросами о том, что это такое и как с ним обращаться. Надо сказать, я бы много дал за возможность удовлетворить его интерес... Меня удивил и даже немного тронул его восторг по поводу заурядных деталей моей жизни, вроде многочасовых засад на верхушках пьяно пахнущих дубов или ночевок под открытым небом. А потом я вдруг понял, что мальчишка, наверное, с рождения и шагу не ступил вне этих стен. На минуту мне стало его жаль. Но только на минуту. Наверное, он мог бы изменить свою жизнь, если бы по-настоящему захотел. Я вот захотел... С другой стороны, много ли счастья мне это принесло?

Через какое-то время я понял, что мне нужна женщина. Не знаю, реальны ли были одалиски, которых я видел раньше. Мне казалось, что нет, потому что чувствовал я себя так, словно воздерживался не менее полугода. Чего, кажется, в моей жизни никогда не случалось... Наверное, поэтому я вдруг стал рисовать Флейм. Сначала у меня ничего не выходило: я обнаружил, что плохо помню ее лицо. Я перевел кучу пергамента, вероятно, нанеся существенный удар

по храмовой казне, прежде чем остался хоть немного доволен результатом. Сначала я рисовал только лицо, потом тело. В разных позах, неизменно обнаженное. И подолгу любовался обожаемой плотью, зеленоватой в свете свечей (здешнее странное пламя не перекидывалось на другие предметы, как я выяснил, когда попытался устроить пожар, но зато рисункам оно придавало совершенно неповторимый вид). Потом, увлекшись, принялся за картинки более интимного плана. Они у меня всегда получались особенно хорошо.

Однажды это занятие так захватило меня, что на минуту я забыл, где нахожусь. Из прострации меня вывел изумленный возглас Джейкоба. Я даже не слышал, как он вошел, полностью поглощенный отделкой волос на лобке Флейм. Мне всё казалось, что они выглядят недостаточно шелковистыми.

– Что это такое?! – вскрикнул Джейкоб тоном престарелой дуэньи, заставшей свою воспитанницу за написанием любовного письма.

Я поднял голову, раздраженный тем, что меня оторвали, и только теперь заметил, что весь стол буквально завален изображениями моей Флейм, по большей части не самыми целомудренными. Джейкоб смотрел на рисунки с изумлением, и я вдруг вспомнил, что он ни разу не видел моих картин. Меня это даже удивляло первое время – стоит только взять в руки грифель, и все, кому не лень, норовят заглянуть тебе через плечо.

– Это моя подруга, – ухмыльнувшись, пояснил я. – Нра-

вится?

– Но... но... – потрясение проговорил Джейкоб и, осторожно протянув руку, взял один листок за краешек, словно боясь испачкаться. На картинке Флейм лежала на животе, полуобернувшись и сияя аппетитным упругим задиком, который я так любил. Хорошая картинка, одна из самых удачных. – Это же отвратительно! Нельзя так рисовать женщин!

– Почему? – с интересом спросил я.

Он хотел ответить, запнулся и уставился на картинку. Мужское начало берет свое, удовлетворенно подумал я, по Джейкоб вдруг поднял голову и очень серьезно проговорил:

– Да ты... ты ведь здорово рисуешь!

– Я знаю, – скромно сказал я и повернул к нему картинку, над которой корпел сейчас: Флейм сидела лицом к зрителю, с широко раздвинутыми ногами. – Как тебе эта?

Джейкоб, даже не взглянув, молча выхватил из кучи желтоватых листков один, потом другой. Я заметил, что он отобрал те листки, на которых особенно тщательно было прорисовано лицо – самые первые картинки, надо сказать. Потом я уделял лицу гораздо меньше внимания.

– Красивая она, правда? – вздохнул я, когда Джейкоб, расчистив место на столе, уселся и разложил перед собой – четыре или пять выбранных рисунков.

– Очень, – возбужденно ответил он и поднял голову. – Хочешь, я тебе ее вытащу?

– Чего? – не понял я.

– Ну, не ее... Такую же! Ну... как тебе объяснить... У тебя есть какие-нибудь другие рисунки? Что-то другое, вещь, зверь, что угодно!

– Нет, – устыдился я. Старые картинки я сваливал кучей в углу, теряя к ним интерес, а слуги, приносившие мне еду и сменявшие отхожий чан, молча всё уносили.

– Так нарисуй сейчас!

– Что?

– Всё равно! Ну, яблоко!

Я пожал плечами, все еще не понимая, о чем он толкует, взял одну из картинок (Флейм в профиль, сочные холмики груди вызывающе смотрят в сторону) и быстро набросал большое спелое яблоко, потом, подумав, сам не зная зачем, пририсовал червоточинку и протянул листок Джейкобу. Он схватил, уставился, потрясение покачал головой. Потом бросил листок на стол, положил на него ладони, слабо шевельнул пальцами, странно закатив глаза. Что-то задвигалось под его руками, бугрясь, вырастая. На миг у меня помутнело в глазах, а когда прояснилось, я увидел, что Джейкоб сидит и смотрит на меня, а перед ним, на моем рисунке, лежит сочное желто-зеленое яблоко. С червоточинкой на тугом боку.

– Ты думал о «белом наливе»? – спросил Джейкоб.

Я медленно кивнул, выронив грифель. Несмело потянулся через стол, взял яблоко, ощутив пальцами его твердую спелость, повертел в руках. Маленький белый червячок высунул головку из темного пятна на боку и, извиваясь, пополз

по глянцевої кожурі.

– Жнець побери! – вирвалось у мене. – Парень, як ти це зробив?!

– Не знаю, – беспечно пожал плечима Джейкоб. – Мене все питають, а я не знаю. Просто так отримується... Но це все ерунда. Гра така. Можеш з'їсти його, но ти їм не наешся.

– Ты можеш створювати малювані предмети?!

– Предмет, тварин, людей теж. Якщо вони дуже-дуже добре малювані. Тільки не... Розумієш... вони ненастоячі. Ну, зараз настоячі. Яблуко буде настоящим днем или два. Свечка, тарелка – теж. А кровать – пару часов, это самое большее. И дерево, и мышь. Человек – несколько минут. Хотя я почти никогда не вытаскиваю людей... Очень редко они так хорошо малювані, – сказав він і, взявши портрет Флейм, знову уставився на нього, – Она и так почти живая, ее осталось только вытащить.

Я слухав його, стискаючи в руці несуществующее яблуко. Зеленовато-жовта шкурка охолодила мені пальці, я бачив маленькі крапельки свіжої роси у черенка. Білий черв'ячок старанно подолав величезні для нього простори. Я представив Флейм – істоту з зовнішністю Флейм, тепле, страadne, обманливо-об'язане...

И еще кое-что. Кое-что, о чем я старался не думать, чтобы Джейкоб не прочел этой мысли в моих глазах.

– Ясно, їм не наешся, но з'їсти-то його можна? – спитав

я.

– Конечно. Оно даже будет в твоём желудке какое-то время. Потом исчезнет.

– А если, к примеру, ты вытащишь ножницы и я ими разрежу простыню, то простыня потом срастется, что ли?

– Да нет, – нетерпеливо тряхнул головой Джейкоб, очевидно, раздраженный моей тупостью. – Пока ножницы есть – они настоящие! Просто потом они исчезнут.

Потом. Когда же наступит это «потом», хотел бы я знать. Сколько времени у меня будет, если...

– А ты что угодно можешь вытянуть?

– Ну я же сказал, – оскорбленно вскинулся Джейкоб.

– Слиток золота... можешь?

– Нарисуй.

Грифель стремительно забегал по пергаменту. Трудно рисовать металл, но я хотел убедиться, что мальчишка не превратит его в дерево или стекло. Я закончил, критично осмотрел рисунок, подправил светотень и протянул Джейкобу. Тот взял, накрыл руками, закатил глаза. Через мгновение крупный желтый слиток мутно переливался в свете свечей.

– А как насчет... скажем, подсвечника?

– Давай!

Очень скоро он вошел в азарт. Я старательно подыгрывал ему, рисуя так быстро и добросовестно, как только мог.

– Пара сапог? Ветка винограда? Белка?

Четверть часа спустя комната была на треть завалена

разнообразным хламом. Кое-где прыгала мелкая живность, впрочем, довольно быстро она исчезала – просто растворялась в воздухе, оставляя вместо себя зыбкую серебристую дымку, а потом исчезала и она. Под конец Джейкоб всё-таки вытащил из ниоткуда физическую оболочку Флейм, и я даже успел очень основательно поцеловать ее, прежде чем она растаяла. Мальчишка наблюдал с раскрытым ртом. Мне казалось, что он завидует.

Я сделал вид, будто моя фантазия истощилась, и предложил ему самому называть предметы. К тому времени он вошел в настоящий раж. Должно быть, в детстве его не слишком баловали развлечениями. Я решил сыграть на этой слабости и не прогадал, но всё равно, услышав слово, сорвавшееся с его губ, почувствовал, как что-то судорожно сжалось в горле.

– Арбалет! – с восторгом воскликнул Джейкоб, – Нарисуй теперь арбалет! Заодно покажешь мне его!

На миг я утратил способность дышать, не говоря уж о том, чтобы говорить. Потом нечеловеческим усилием воли взял себя в руки.

– Арбалет? Парень, сразу видно, что ты ничего в этом не смыслишь. Это штука непростая, я даже не уверен, что смогу...

– Ты смог нарисовать женщину! – обиженно вскрикнул Джейкоб. – Почти живую женщину!

– Эх, парень, арбалет будет посложнее женского тела, –

усмехнулся я. – Ладно, попробую. Дай мне пару минут.

Он кивнул, подавшись вперед и пожирая меня глазами. Я опустил голову, приставил грифель к пергаменту, чувствуя, как дрожит рука. Если получится... Боги, а вдруг получится? Кажется, мальчишка всерьез не ждет от меня опасности – в самом деле, ведь это только иллюзия... Иллюзия, которая просуществует не больше нескольких часов и, не исключено, поможет мне выбраться отсюда. Я работал на совесть – так тщательно до того я вырисовывал только задницу Флейм. Особое внимание уделил крестовине и тетиве, внезапно осознав; что понятия не имею, как изобразить правильное натяжение. Положил на интуицию, постоянно держа перед мысленным взглядом мой арбалет, оставленный в лесной хижине. Закончив, пририсовал рядом несколько болтов с пергаментным оперением, чувствуя что-то близкое к панике.

Где у нарисованного болта центр тяжести?! Потом я вспомнил, что червяка в яблоке тоже только представлял, и положился на воображение.

Наконец, – думаю, прошло больше, чем несколько минут, – я протянул рисунок Джейкобу, стараясь, чтобы моя рука не дрожала. Он выхватил листок, впился в него глазами, тут же скис, разочарованно протянул:

– Тако-ой?

– А ты думал какой? – деревянно улыбнулся я, стиснув под столом заледеневшие руки.

– Не знаю... Ладно, – он накрыл рисунок ладонями, зака-

тил глаза.

Я не отрывал взгляда от его пальцев, видя, как листок под ними постепенно приобретает рельефность. На этот раз Джейкоб возился дольше, чем раньше, похоже, мальчишке не приходилось иметь дела с механизмами. Наконец он открыл глаза, убрал руки, уставился на арбалет, сверкающий новехонькой сталью, и кучку мутно переливающихся болтов.

– О-о! – уважительно протянул он, видимо, снова переоценив увиденное, – Это... да! А как из него стреляют?

– Ну, смотри, – я потянулся к арбалету, до последнего мгновения ожидая, что мальчишка всё поймет и вцепится в мое запястье, но он в самом деле был очень наивен. Или закономерно рассудил, что нет никакого толка от арбалета в запертой комнате.

Мои пальцы обвили приклад, и я глухо выдохнул. Это был не мой арбалет – гораздо более крупный, прямо-таки небольшая баллиста. Странно, я ведь вроде бы думал о своем... почти всё время... хотя...

Джейкоб бросил на меня удивленный взгляд, и я, быстро положив арбалет на стол, стал указывать подрагивающим от нетерпения пальцем на детали:

– Это ложе, внутри крепится спусковой механизм. На верхней поверхности ложа направляющий паз, видишь? Сюда вкладывают болт.

– Болт?

– Стрела, – я кивнул на поблескивающую стальную кучку

– Подай-ка.

Он подгрёб ко мне болты. Я взял один скользкими от пота пальцами.

– Сейчас я тебе покажу, как его заряжать.

Я встал, слегка пошатнувшись от пьянящего восторга, преждевременно вскружившего мне голову. Опустил арбалет, стал вставлять стрелу, на ходу комментируя свои действия:

– Видишь, я ставлю его вертикально крестовиной на землю, наступаю ногой в стремя – это называется «стремя»... Теперь, – я выпрямился, – натягиваешь тетиву так, чтобы она легла на упор. Видишь, это просто. – Я вложил болт в паз и, прижав арбалет к плечу, шутливо прицелился в Джейкоба. – Вот и всё. Теперь только нажать на спуск, и тебя припилит к стенке, как бабочку, парень.

– Дай я! – нетерпеливо выкрикнул он, вскочив и шагнув ко мне.

– Попробуй, – согласился я, опуская оружие. – Я тебе помогу. Иди, встань тут...

Джейкоб с готовностью подошел ко мне, не отрывая сверкающих глаз от смертоносной игрушки в моей опущенной руке. Когда он оказался совсем близко и потянулся к арбалету, я резко вскинул свободную руку, схватил его, дернул на себя и врезал прикладом ему в висок. Мне почему-то не хотелось его убивать. Не знаю почему.

Мальчишка рухнул замертво, успев отчаянно, сдавленно

вскрикнуть – скорее от удивления, чем от страха. Переступив через неподвижное тело, я отошел к стене и, оперевшись в нее спиной, вскинул арбалет на плечо. Дверь уже открывалась, охранники слышали крик. Проем был узким, и я считывал на то, что они, торопясь, захотят вломиться одновременно, следовательно, будут стоять друг за другом.

Я увидел перед собой широкую мускулистую грудь, защищенную лишь кожаным нагрудником, и, не размышляя ни мгновения, нажал на спуск.

Болты получились отменные, натяжение тетивы тоже не подкачало. Похоже, мои пальцы знали об арбалетах больше, чем мозг. Стрела, выпущенная из такого арбалета с расстояния в двести шагов, без труда пробивала железные латы. До тюремщиков было шагов семь, и на них не было лат. Болт вышел из спины первого и застрял в груди второго. Оба рухнули как подкошенные, не успев даже вскрикнуть.

Я опустил арбалет, тут же перезарядил его. Единственный и главный недостаток этого оружия в том, что его слишком долго заряжать по сравнению с луком. Поэтому нужно иметь запас времени. Это отличное оружие для засад и обороны. Мне же предстояла атака. Причем атака стремительная, если я собирался продвинуться хоть немного в своем более чем смелом начинании.

В коридоре было пусто. Судя по всему, мои тюремщики опрометчиво доверяли толщине дверей и крепости стен. Я неслышно прокрался до поворота, быстро выглянул. Дверь

была в самом конце, возле нее стояли двое мужчин. Похоже, шума они не слышали.

Я глубоко вздохнул и, шагнув в коридор, насмешливо окликнул их, держа арбалет за спиной. Они застыли, потом круто развернулись ко мне. Я продолжал издевательски улыбаться, не трогаясь с места.

Они ринулись вперед, на ходу выхватывая мечи. Коридор был ненамного шире двери в мою камеру, и я сбил обоих одним болтом, как стражников у двери.

Пока что мне везло: охрана не поднимала крика. Я справился бы с одним, с двумя, может, с тремя противниками одновременно – не больше. Если нападать будут с разных сторон, арбалет мне не поможет – я просто не успею его перезарядить.

Я выскользнул за дверь, оказавшись перед ведущей вверх лестницей, тихо поднялся по ней до ступенек, освещаемых светом из верхнего помещения. Замер, услышав голоса, потом быстро спустился ниже, в тень, и негромко свистнул.

Первый человек вышел спокойно. Второй, третий и четвертый уже бежали. Я не думал, что их там так много, и едва успел перезарядить арбалет, зато последний болт пробил сразу троих. Надо будет рассказать Ларсу. Он утверждал, что больше чем двоих из арбалета не прострелить даже в упор. А тут было шагов десять.

Я перевел дух и двинулся дальше. За следующей дверью был двор, затянутый пеленой опускающихся сумерек. Еще

одна удача: я хорошо вижу в темноте, а меня они не замечали, видимо, не предполагая, что я вот так, без шума и суматохи, проберусь на самый верх. Двор был квадратным, совсем небольшим, и в дальней стене я увидел низкую дверь, которая к тому же была приоткрыта. Похоже, меня держали не в подземной темнице храма, а в специально оборудованном подвале каких-то подсобных помещений. Всего по периметру двора было человек десять, и стояли они в основном поодиночке. Прячась за выступами стен, я снимал тех, кто находился на пути к выходу, прицельными выстрелами в рот, лишая их возможности даже захрипеть. Я безумно боялся, что арбалет вот-вот начнет таять в моих пальцах, однако старался не торопиться: у меня не было права на ошибку. Но, надо отдать мальчишке должное, он сработал на совесть. Я израсходовал семь болтов, потом бесшумно пробрался к калитке, миновав тело лежащей возле нее женщины. Прямо напротив меня, в двадцати шагах, негромко разговаривали двое мужчин, залитых светом, льющимся из открытой двери ближайшего помещения. Искушение снять их было велико, но я сдержался и, вжавшись в стену, тихонько толкнул калитку.

Снаружи была трава. И ветер. Легкий, свежий. Почти ласковый. И темные силуэты деревьев чуть дальше, в нескольких сотнях ярдов.

Я понял, что соскучился по лесам.

ГЛАВА 6

Перевернутый стул, ворох изрисованного пергамента на кровати, на полу. Списанный грифель у резной ножки стола. Отвратительная порнографическая картинка в подрагивающей от гнева руке. Шероховатая поверхность холодит пальцы.

– Какая гадость. Безымянный, сколько они времени тут просидели?! Джейкоб все это видел...

– Прекрати! О чем ты думаешь, дурак?! Надо вернуть его!

– Не могу поверить, что Проводник оказался таким... таким...

– Демон! Да замолчи ты!

– Как же можно... как можно было...

– Дай сюда!

Треск рвущегося пергамента. Разорванная пополам обнаженная женщина насмешливо улыбается с желтоватого листа – прощальная насмешка беглого Проводника. Судорожно стиснутый кулак сминает бумажную улыбку, превращая ее в гримасу боли.

– Но каков ловкач... Снял во дворе семерых. Без единого звука.

– Ты им, кажется, восхищен?! Подумай лучше, что делать дальше!

– Тела убрали?

– Конечно! Не хватало еще, чтобы Ристан пронюхал, что здесь произошло!

– Придется опять использовать Рыцаря. Один раз он уже справился с этой задачей.

– Да, но теперь он будет готов, понимаешь?

– Ты сомневаешься в Рыцаре?

Легкий вздох – выпустить гнев, выпустить пар. А лучше – переработать, перетравить – в решимость, в упорство, в уверенность. Так, как было много раз.

– Я разбужу Стальную Деву.

– Алоиз! Мы же договорились...

– Так больше не может продолжаться! Мы ждем слишком долго! А если его снова схватят имперские солдаты? Если повесят, прежде чем мы возьмем его? Что тогда?

– Да, но ведь Дева...

– Дева сделает так, что к тому времени, когда мы вернем Эвана, женщина-Проводник уже будет здесь. На этот раз всё пройдет быстро и без заминок. Не так, как с Мирандой.

– Мы слишком торопимся...

– Надо торопиться. Я не знаю, сколько еще смогу сдерживать подозрения Ристана.

– Ристан... Да...

Пауза, нетерпеливо дрожащая меж ними, говорит в тысячу раз больше слов.

– Ты как-то сказал... что... может, в крайнем случае...

– Не сейчас.

Быстрый кивок, отрешенный взгляд в сторону, на отвратительные картинки, на картинки с голой женщиной. Не сейчас. Ясно. Не сейчас.

Храм Безымянного Демона, как оказалось, находился в восточной части Скалистого побережья. Надо сказать, далеко от того места, где я встретился с Ржавым Рыцарем. Я три дня пробирался по пустошам, прежде чем набрел на первую деревушку. Оттуда двинулся на юг, в Лемминувер, где располагалась городская штаб-квартира нашей группы, замаскированная под особнячок Паулины. Занятно, но этот маленький ухоженный домик ей подарил один из ее любовников, за что она отблагодарила его, полностью посвятив нас в детали оснащения полка, которым он командовал. Никогда не понимал, почему некоторые мужики столь болтливы в постели. Я всегда предпочитал спать с женщинами, а не разговаривать с ними.

Лемминувер – городок небольшой, типично провинциальный, хоть и центр округа. Однако сам округ столь мал, что даже его столица выглядит менее внушительно самого захолустного городишки Аленкура. Правление здесь вялое и политически несознательное, поэтому округ то и дело переходит из рук в руки, чему немало способствует его расположение на стыке материка и полуострова. В связи с этим ни Шерваль, ни король Гийом не содержат там постоянно-го гарнизона, что как нельзя более удобно для нас. Сейчас,

насколько я знал, город принадлежал герцогу, медленно, но упорно теснившему войска своего венценосного брата к центру королевства. Не слишком удачный расклад, но выбора у меня все равно не было. До Арунтона, где меня тщетно ждал его высочество, не меньше недели пути – если галопом и с минимумом стоянок, и я надеялся, что весть о том, что этот гад Эван Нортон снова ускользнул от рук правосудия, не успела распространиться так далеко.

Во время въездного досмотра я пережил несколько неприятных минут, в течение которых начальник патруля буравил меня подозрительным взглядом. Я смотрел на него чистыми глазами благородного простачка, мысленно успокаивая себя тем, что ничего непозволительного я не делал. У меня даже оружия не было – арбалет растаял через четверть часа после того, как я ступил в лес неподалеку от храма. Начальник пожевал ус, хмыкнул и махнул рукой. Вероятно, он принял меня за искателя приключений. Осанка у меня, к сожалению, а может, и к счастью, аристократичная (один из немногих подарков любезной матушки), но выглядел я в ту минуту как последний оборванец. Одежда протерлась на локтях и коленях, да и несло от меня, наверное, как от табуна выючных лошадей.

От городских ворот я сразу направился в особняк Паулины и еще за полквартала с разочарованием увидел, что окна темны. Наверное, окручивает очередную жертву... Время, правда, слишком раннее для таких делишек. Хотя, мо-

жет, прогулка верхом... Жнец ее знает. Я никогда не интересовался, как она это делает. Я немного поошивался вокруг, тщетно надеясь увидеть кого-нибудь из наших, потом, поймав свирепый взгляд привратника, убрался оттуда, опасаясь новых неприятностей. Ничего не оставалось, как ждать возвращения Паулины.

Бродить по улицам я остерегся: неровен час, наткнушь на того, кто меня узнает. По счастью, на этой улице располагалось несколько трактиров. Денег у меня, разумеется, не наблюдалось, но я все же заглянул в близлежащий. Там былолюдно, похоже, один из местных стихоплетов устроил небольшой концерт. Затеряться в толпе слушателей оказалось легко. Я прислонился плечом к косяку двери, поглядывая через распахнутую дверь на особняк. Менестрелю подпевал нестройный хор пьяных голосов, заглушавших музыку. Песня была романтическая – «Робер и Аттена», вселюдно известная любовно-эпическая баллада. Такие песенки обычно поют под окнами девиц, ретиво охраняемых строгими родичами, а не в городских забегаловках... Голос певца казался знакомым, и я рискнул протиснуться в глубь трактира, достаточно близко, чтобы иметь возможность рассмотреть менестреля за плотной толпой потных спин. Я бросил на него только один взгляд и почувствовал, что расплываюсь в улыбке. Проклятье, вот уж не думал, что когда-нибудь так обрадуюсь, увидев этого маленького мерзавца.

Юстас сидел спиной к стойке, закинув ногу на ногу, и

уныло перебирал пальцами струны. Вид у него был самый несчастный. Посетители воодушевленно подвывали, перебивая его приятный голос и получая гораздо больше удовольствия от собственных арий, чем от стараний менестреля. Юстас терпел, но я видел, что он готов взорваться. Какого ляда он делает среди этого сброда? Мы использовали его почти как Паулину, только она усыпляла бдительность аристократов, ублажая их тела, а специализацией Юстаса были духовные сферы. Он мог заболтать неосторожного дворянчика до смерти, предварительно одурманив его своими песнями, а Паулина, получая на руки размякшего клиента, довершала начатое. Вдвоем они были неповторимы. И поле их деятельности предусматривалось соответствующее: обычно не меньше отеля какого-нибудь баронета или, на худой конец, шикарной гостиницы. Никак не вонючая забегаловка вроде этой.

Юстас взял последний аккорд. Ему вяло зааплодировали. Я громко хлопнул в ладоши и крикнул «Браво!» Юстас непривычно хмуро покосился по сторонам из-под ровных, по-женски аккуратных бровей.

Я зааплодировал активнее, задорно присвистнул. Толпа заразилась моим энтузиазмом, на Юстаса полилась буря оваций. Он лениво поклонился, скользнул взглядом по толпе, на миг задержал его на мне, нагнулся к лютне, подкручивая колышки, потом, вздрогнув всем телом, вскинул голову. Я улыбнулся и слегка кивнул.

Его реакция меня удивила. Я думал, он либо с воплем кинется мне на шею (с него станется), и тогда я просто убил бы его на месте, либо широко улыбнется и кивнет в ответ. Он не сделал ни того, ни другого – предпочел смертельно побледнеть, задрожать и, стиснув гриф лютни, вполголоса сообщить, что объявляется перерыв. Пьянчуги разочарованно заныли, Юстас встал, перебросился парой слов с трактирщиком и неторопливо двинулся ко мне. Вернее, не ко мне – он просто шел в мою сторону. Я стоял, скрестив руки на груди и глядя на него с непонимающей улыбкой. Юстас прошел мимо, задев мое бедро лютней, коротко извинился и стал подниматься по шаткой темной лестнице на второй этаж. Я быстро огляделся, убедился, что никто не смотрит в мою сторону, и прошмыгнул следом.

Юстас буквально взлетел наверх. Я едва успел заметить дверь, за которой он исчез. Повернувшись, чтобы закрыть ее за собой, я через миг задохнулся от объятий менестреля. Мда, Юстас всё-таки остался Юстасом.

– Всё нормально, – успокаивающе сказал я, хлопая его по спине, – Полегче, мои ребра мне еще понадобятся.

Он отступил, по-прежнему придерживая меня за плечи, и ошарашенно уставился мне в лицо.

– Эван, – прошептал он, – это всё-таки ты.

– Вроде бы, – неуверенно кивнул я. – Правда, твое поведение заставляет в этом усомниться...

– О боги... Где ты был?

– Это долгая история, – отмахнулся я. – У тебя есть по-жрать? Я бы коня съел.

– Сейчас! – засуетился Юстас. – Было тут...

Он подскочил к столу, отдернул завернутый наверх край скатерти. Под ней оказались бережно охраняемый от мух початый окорок и початая же бутылка вина.

– Садись, ешь, я сейчас еще принесу!

– Не торопись, – сказал я, охотно принимая предложение.

В последнюю неделю есть мне приходилось нечасто, и я чувствовал, что желудок уже довольно крепко прилип к позвоночнику. Юстас куда-то убежал, как потом оказалось, распорядиться насчет более основательного обеда. К тому времени, когда он вернулся, я успел расправиться с окороком и пил его гадкое кислое вино.

– Какая мерзость, – брезгливо сказал я, упрямо заливая себе в горло эту дрянь, – Юстас, как ты мог опуститься до такого?

– Пришлось, – отрешенно сказал он, садясь напротив. Лютня валялась на полу рядом со столом, и я невольно отметил, что не припомню случая, когда Юстас обращался со своим сокровищем столь пренебрежительно. Кажется, он действительно был потрясен.

– Поверить не могу... Ты всё-таки жив, – проговорил он наконец.

– Как будто. Хотя чувствую себя прехреново. А с чего это ты решил, что я умер?

– Не один я. Все решили, – с отчаянием проговорил Юстас. – Тогда, в ту ночь, когда тебя схватили Зеленые... Эти ублюдки не выпускали нас из укрытия еще сутки! Мы вырвались, но ты был уже слишком далеко. Когда стало известно, что ты ждешь казни в Арунтонской тюрьме, Роланд и Грей собрали людей, чтобы вытащить тебя. Не вышло, еле ноги унесли. Роланд клялся, что тебя охраняют, словно самого Шерваля! Пытались искать другие каналы, но всё впустую. У Паулины что-то начало наклеиваться, но тут объявили, что ты умер во время допроса. Мы думали, эти твари замучили тебя до смерти...

– Подожди! – ворвался я в этот поток. – О чем ты говоришь?! Да я ведь даже не доехал до Арунтопа!

Юстас осекся и уставился на меня с изумлением.

– Как... не доехал? – тупо переспросил он. – А где же ты был... всё это время?

– В другом месте. Не менее приятном, чем арунтонские казематы. Но об этом позже. Где наши?

Менестрель вдруг потупился, откинулся па спинку стула, пряча взгляд.

– Наши? – переспросил он, будто не понимая.

– Наши, наши! Роланд, Грей, Флейм, Дуглас, близняшки, остальные! Чем вы занимались в то время, что меня не было? Всё в порядке?

Нет, не всё в порядке. Я увидел это, еще не закончив говорить, и внутри у меня все скрутилось тошнотворным узлом.

– Ну, чего молчишь? – почти в отчаянии проговорил я, не получив ответа. – Как там наша команда? Что... их взяли, да?

– Нет больше нашей команды, Эван, – чуть слышно ответил Юстас. Под его взглядом слова застряли у меня в горле.

– В... вырезали? – с трудом выдавил я.

– Нет, – ответил он. – Просто... просто ее больше нет.

– Как? Почему?! Жнец тебя побери, о чем ты говоришь?!

– Когда стало ясно, что тебя не спасти, Роланд совсем сник. Мы пытались его поддержать, говорили, что ты вряд ли хотел бы, чтобы у нас опускались руки... Но он считал себя виноватым в том, что не смог тебя вытащить. В общем... он сказал... сказал, что не по плечу ему эта задача, что тебя никем не заменить...

– И? – раздраженно поторопил я, чувствуя неладное.

Юстас вздохнул, видимо, решив, что лучше уж горькая правда...

– И вступил в отряд Рича Саймека, – неожиданно твердо сообщил он.

Я откинулся на спинку стула, переваривая услышанное. Это был удар ниже пояса, но я привык держать даже такие удары. Рич Саймек, еще один знаменитый командир Сопротивления, был воистину слепым приверженцем своего дела. В отличие от меня и ряда таких, как я, ограничивавшихся точечными ударами, ослаблявшими более сильную на данный момент сторону и направленными против аристократов

в целом, он упорно боролся с войсками Шерваля, считая его дерзким узурпатором. Короля Гийома он тоже не слишком жаловал, однако почему-то предпочитал бодаться с его братом. Он был одержим мыслью собрать настоящую армию и устроить против Шерваля организованную войну, видимо, не понимая, что таким образом существенно облегчит задачу законному монарху. А может, и понимая, что было еще хуже. Поговаривали, что Саймек действует от имени и с одобрения Кайла Урсона, но я не особо в это верил.

Не хотел верить, потому что это означало, что я фактически вхожу в состав третьей силы, действующей в гражданской войне, причем методы и цели сей силы ничем не отличались от методов и целей тех, с кем я дрался уже четыре года. Саймек пользовался любым случаем, чтобы завербовать солдат из лесных партизан, не гнушаясь лестью, клеветой и подкупом. Я встречался с ним пару раз, отношения у нас были натянутые. Он завидовал умениям и организованности моих ребят, не раз открыто заявлял, что не прочь заполучить их. Я только посмеивался, уверенный в своих людях на все сто... Не мешало мне быть менее самонадеянным.

Исходя из всего этого я не мог расценить поступок Роланда иначе как предательство. Что ж, не впервой. В конце концов, это война. Это моя война. Не в последнюю очередь потому, что я сам ее начал.

– Ясно, – наконец проговорил я. – Ну, Роланд ушел, так остальные что же? Передрались за командирский чин?

– У остальных просто опустили руки. Ты всегда был рядом и говорил, что делать. И когда ты... когда тебя с нами не стало, поняли, что ни хрена сами не можем. Мы просто не знали, за что хвататься.

– Проклятье, да чего вы не знали! – не выдержав, закричал я. – Вы же всё всегда делали сами! А я только кивал одобрительно! Вспомни наши советы. Я никогда не предлагал ничего нового. Никогда не указывал, кто, чем и как будет заниматься. Вы всё делали сами! Я лишь хвалил и пинал, когда было за что!

– Да... но... – Юстас запнулся, беспомощно развел руками. – Тогда об этом никто не думал. Нам казалось, что всё кончено. Без тебя... а потом и без Роланда. Думаю, это просто стало последней каплей.

Я устало вздохнул, потянулся к стакану с гадким вином, потом, опомнившись, со стуком отставил его от себя.

– И что же? Все побежали к Саймеку? – с горечью спросил я.

– Не все...

– Кто?

– Уинтер, Сайрс...

– Еще?

– Роберт, Христер, Мангус... Паулина...

– Паулина?! Значит, и Грей тоже, да?

– Нет, Грей нет! – вскинулся Юстас, видимо, радуясь, что имеет для меня хоть одну хорошую новость. – Грей присо-

единился к Ларсу. Они пытаются что-то делать. Их очень мало, но всегда выходит, но они пытаются...

– Ларс уже вернулся? – удивился я. Юстас посмотрел на меня как-то странно.

– Ну да, – ответил он. – С ними еще близняшки и Оуэн...

– А Дуглас? – спросил я. Юстас снова потупился.

– Дугласа повесили через неделю после той ночи... В Арутоне...

Я оперся локтями о стол и уткнулся лбом в ладони. Вот, значит, как... Наглый хамовитый пройдоха, языкатый мальчишка, который умел больше многих и чья беззаботная отчаянность подставила меня под нож... но она же не раз выручала нас из, казалось бы, самых безвыходных положений. Не подколешь ты больше меня, не высмеешь, не докажешь, что я далеко не лучший стрелок из арбалета... А я еще злился на тебя тогда, в укрытии. Даже когда выходил, продолжал злиться. Из-за тебя же всё...

Я стиснул зубы так, что заныли скулы, поднял голову, твердо взял стакан.

– А ну налей, – мрачно сказал я. – Выпьем за него. Пусть боги будут к нему... снисходительны.

Мы выпили молча, даже не скривившись. Помолчали. Потом я спросил, чувствуя, что уже готов к любому ответу:

– А Флейм? Она тоже?..

Юстас нахмурился, плеснул себе еще вина, залпом выпил, передернувшись.

– Тоже, – вздохнул он.

Я кивнул, горько усмехнулся, безжалостно проговорил:

– Да, ребятки, быстро же вы сдали.

– Эван, ты должен понять! Мы впервые остались одни!

Не знали, что делать, как быть дальше. С тобой всё казалось таким простым...

– Вы могли хотя бы попытаться! – со злостью бросил я.

– Мы пытались!

– Что-то мало вы пытались! И месяца не прошло, а уже...

– Месяца? – перебил Юстас и снова как-то странно на меня посмотрел, – Эван...

– Что? – тут же осекся я.

– Ты... ты думаешь, что тебя не было месяц?

– А сколько?!

Он какое-то время смотрел на меня в упор, потом бесцветно сказал:

– Полтора года.

Я почувствовал, что у меня начинают дрожать руки. Сжал кулаки, но это не помогло.

– Точно? – спросил я наконец. – Ты ничего не путаешь?

– Нет, я ничего не путаю. Прости...

Со дня кошмарного ритуала до моего побега прошло двенадцать дней. Еще неделю я добирался до Лемминувера. Выходит... Выходит, все эти полтора года я провел, лежа на спине в красной комнате и разглядывая лепку на потолке. Вот сколько времени заняла «подготовка» к ритуалу женщи-

ны по имени Миранда. Что же они делали... что они делали с ней? Что они делали со мной?

– Юстас, как я выгляжу?

– А? – в его глазах скользнуло удивление. – Ну... ты здорово исхудал, побледнел... волосы немного отросли... Побриться тебе не помешает. А так – обычно.

– Я не поседел?

– Что?

– Ничего, – я встал, придерживаясь рукой за спинку стула. – Ну, а как насчет тебя? Ты теперь тоже человек Саймека?

– Нет, – немного зло ответил Юстас. – Я уж скорее подохну, чем к этой змее подамся. Не знаю, что на них всех нашло... А то, что сейчас делают Ларс и Грей, не для меня. Видишь, чем занимаюсь... Мне бы ко двору, но, говорят, Дуглас назвал кое-какие имена перед тем, как его повесили... Это могут быть и просто слухи, но... сам понимаешь. Так что мне теперь в приличные места хода нет. Играю во всяких забегаловках за крышу над головой и кислое вино.

– Окорок неплох, – машинально утешил я. Проклятье, привык я был утешителем. Меня бы кто утешил.

– Разве что, – усмехнулся Юстас. – Слушай, но ведь ты же вернулся, Жнец все подери! Ты снова здесь! Да когда наши об этом узнают...

– Ну нет! – быстро сказал я. – И думать забудь!

– Почему?! Мы смогли бы собраться опять, я уверен!

– Может, и смогли бы... Да только нужны ли мне соратни-

ки, готовые перебежать в другой отряд, стоит нам попасть в настоящую передрагу? Я хотел сказать это Юстасу, но передумал. В конце концов, его-то как раз упрекнуть не в чем.

– Где Ларс?

– В городе, – удивил меня он. – И Грей тоже. Они пробудут еще несколько дней... Грей пробудет, насчет Ларса я не знаю. Если хочешь, выясню.

– Устрой нам встречу. Только тихо, твою мать! Я тебя знаю, растрендишь на всю округу!

Юстас сжал челюсти, коротко кивнул. Я почувствовал укол совести, зная, что несправедлив к нему. Ну, во всяком случае, не совсем справедлив.

В дверь постучали.

– Обед, – флегматично объявил Юстас.

– Спасибо, – вдруг вырвалось у меня. – Ты меня прости, Юстас, я... Спасибо, в общем.

Он только отмахнулся. Потом, уронив взгляд на валяющуюся посреди грязной комнатушки лютню, нахмурился и, подняв инструмент, бережно отер его полой куртки.

ГЛАВА 7

Сиплый свист. Долгий, непрерывный, разрывающий уши, выгрызающий сердце. Хрип – низкий, гортанный, удовлетворенный. Хруст онемевших суставов, выдох новорожденных легких.

Капли смолянистой черной влаги на стальных пластинках.

Крик, застывший на губах.

- Алоиз... ты понимаешь, что мы... сделали?
- Понимаю, Джевген, понимаю.
- Безымянный... Я не думал... Она... такая...
- Тише. Помолчи.

Тонкие стальные пальцы тянутся к небу: то ли обнять, то ли схватить, сжать, раздавить в кулаке. И свист, свист, протяжный, сиплый.

– Смотри на меня! Ты знаешь, кто я? – Короткий взгляд белых глаз. Железная улыбка на немых губах.

– Иди и сделай то, для чего ты родилась!

Пристальный взгляд. Изучающий взгляд. Взгляд безумной мудрости, дикого понимания. Отливающие металлом руки, протянутые ладонями вверх. Так умоляюще. Так... унижительно.

– Иди... Иди!

В голосе – страх. В руках – дрожь. В груди – обида. Обида

трехногой борзой, привыкшей, что ее гладят, а не гонят. Да, трехногая... Да, стальная. Ну и что? Ну и пус-с-с-с-сть...

Свист, пронзающий насквозь. Словно арбалетный болт.

Ларс должен был ждать меня в одном из местных трактиров. Я не спросил Юстаса о его реакции на последние новости – зная Ларса, можно предположить, что он хмыкнул и удивленно приподнял бровь. По силе выражения своих чувств он был полной противоположностью Юстаса. Впрочем, не уверен, что он вообще переживал чувства, требующие выражения. Однако он оставался, пожалуй, единственным человеком, к которому я мог спокойно повернуться спиной.

Встречу назначили на вечер. К тому времени я успел вымыться, побриться, отоспаться, одеться поприличнее (всё за счет Юстаса – впрочем, должником я себя не чувствовал) и навестить Паулину. Я толком не знал, зачем шел к ней. Это идея принадлежала менестрелю: он почему-то очень настаивал. Я догадывался о причине и лишь морщился, представляя себе этот разговор.

Из окна мансарды, которую занимал Юстас, открывался вид на особняк, и я засек момент, когда Паулина вернулась домой. Как я и предполагал, не одна: вокруг нее вился какой-то тощий хлыщ. Оба приехали верхом, на Паулине была изящная амазонка изумрудно-зеленого цвета, великолепно оттенявшая ее золотистые волосы. «Хороша мерзавка, – в

очередной раз восхищенно подумал я. – Не ценит Грей свое счастье...»

Я выждал четверть часа и, спустившись вниз, неторопливо подошел к воротам особняка. Привратник меня, кажется, не узнал, хотя я сомневался, что несколько часов отдыха столь разительно меня изменили.

– Как прикажете доложить? – осведомился он с оттенком надменности, но, впрочем, вежливо.

– Скажи миледи, что ее хочет видеть Эван, – с легкой улыбкой сказал я, заранее представляя лицо Паулины, когда она услышит эти слова. Наверняка переспросит: «Ты уверен, Густав (Уильям, Роджер...)?» И он скажет удивленно: «Да, миледи».

Привратник вернулся очень быстро. В его взгляде читалось нескрываемое любопытство, и я понял, что угадал.

Паулина приняла меня в очаровательной голубой гостиной. Бархатные обои, ночнички по углам, кружевные занавески, клетки с канарейками. Меня от всего этого блевать тянуло, но я понимал, что роль великосветской куртизанки предполагает подобный образ жизни. Впрочем, насколько я знал, Паулине он был по душе.

– Эван... – пролепетала она, едва я вошел, и покачнулась, стиснув в руках лайковые перчатки.

Я насмешливо поклонился, не сводя глаз с ее побледневшего маленького лица.

– Похоже, с Юстасом ты сегодня не виделась, – заметил я

и, подойдя ближе, взял ее холодную, как лед, руку, нагнулся, коснулся дрожащих пальцев губами. – Миледи, этим вечером вы просто неотразимы...

Она вырвала руку, вlepила мне пощечину, потом кинулась мне на шею и зарыдала, уткнувшись лицом в мое плечо. Вельветовая куртка Юстаса быстро промокла.

– Где ты был? Где ты был?! – рыдала Паулина.

– Не важно, главное, я снова здесь, – бодро сказал я, отстранившись и аккуратно вытирая мокрые дорожки с ее висков. Плакала наша Паул аккуратно, умело, так, чтобы не страдал макияж, – Тем более что вам тут особо скучать не доводилось. Тебе-то уж точно.

Она отступила на шаг, закусилa губу.

– Юстас тебе сказал... – это был не вопрос, а констатация факта. Я кивнул:

– Ну и как? Нравится тебе у Саймека?

– Эван, мне...

– Да ладно, – с деланной небрежностью отмахнулся я. – С тебя-то что взять? Женщины! Имя вам – непостоянство, – я насмешничал и храбрился, постепенно осознавая, зачем Юстас отправил меня сюда. Поняла это и Паулина – она была пронизательной девушкой, – и теперь смотрела на меня пристально и немного осуждающе.

– Она чуть с ума не сошла, – тихо проговорила Паулина. – Я всерьез опасалась за ее рассудок.

– Оклемалась быстро, тем не менее, – грубовато сказал я,

почему-то не в силах посмотреть ей в глаза.

– Это я предложила ей присоединиться к Саймеку... Она тогда еще плохо понимала, что делает...

– Ты-то как смогла бросить Грея?

– Не говори мне о нем! – взвилась она, – Даже не заговаривай! Не смей!

Так, теперь все понятно. Голубки поругались в очередной раз. Причем, видимо, достаточно серьезно... очень серьезно, если уже полтора года находятся по разные стороны баррикад. Ну, не совсем по разные... Почти.

Да, полтора года... Я всё никак не мог привыкнуть к мысли, что из моей жизни выпали шестнадцать месяцев.

– Паулина, скажи, что, правда прошло полтора года? – вырвалось у меня.

Ее взгляд стал удивленным.

– Да... Не вини ее, пожалуйста. Я просто не знаю, что с ней будет, когда она узнает...

– Где она? – перебил я.

– С Саймеком. Где-то на Перешейке. Я не общалась с ней уже три месяца. Мы теперь редко видимся.

– Ясно, – кивнул я и окинул взглядом гостиную, стараясь вернуть насмешливый тон. – А ты что? Всё так же?

– Не совсем... Я... – она запнулась.

– О! – я выпрямился, в голосе невольно скользнули ледяные нотки. – Прости. Трудно избавиться от старых привычек. Теперь ты мне только под пыткой что-то расскажешь,

верно?

– Эван!

– Я понимаю, – преувеличенно спокойно проговорил я. – Всё никак не привыкну к мысли, что прошло столько времени... что всё так изменилось. Ладно, пойду я, пожалуй. Мне просто хотелось убедиться, что ты в порядке.

Она взглянула мне в глаза, и я понял – сейчас она снова разрыдается. Предупреждая новую бурю эмоций (второй раз такого испытания я бы не выдержал), я снова взял ее за запястье, поцеловал топкие пальцы и отпустил. Рука Паулины безвольно повисла вдоль обтянутого амазонкой бедра.

– Грея бы пожалела, – сказал я. – Он же любит тебя, как... как дурак последний.

– Да ты ничего не знаешь! – снова вскинулась она. А ведь верно... ничего я не знаю. И не понимаю...

Не понимаю, как, почему мы разбежались в разные стороны. У нас же всё отлично получалось, пока мы были вместе.

– Ладно. Пока. Если что-то надо будет, я тебя найду через Юстаса, – буднично сказал я и вышел. Прикрыв за собой дверь, я услышал, как она всхлипывает. По-настоящему красивые женщины никогда не отличаются особым умом.

Я пробыл у Паулины не больше четверти часа, но, бросив взгляд на башенные часы, понял, что Ларс уже ждет меня в назначенном месте. Проходя мимо привратника, я бросил ему мелкую монету. Он поймал на лету, почтительно склонился. Я усмехнулся про себя, вдруг попытался представить

Флейм на месте Паулины – в этом особняке, в изумрудной амазонке, с суровым привратником, чью благосклонность так просто купить за медяк. Мне хотелось верить, что она не смогла бы жить так... что она слишком настоящая для этой мишуры. Но я не мог. Теперь уже не мог.

Я неторопливо прошелся по людным улицам, осматриваясь по сторонам. Давненько я не видел такого оживления. День был базарным, торговали дотемна, и лавочники только начинали сворачивать прилавки. Припозднившиеся посетители толпились у немногих открытых лотков, спеша приобрести необходимое до того, как рынок опустеет. Мне почему-то было неуютно среди этой суеты. Как будто я слишком привык к одиночеству.

Трактир «Золотая лилия» находился на углу Базарной и Цветочной улиц, в двух шагах от главной площади. С одной стороны – слишкомлюдно, с другой – просто затеряться в толпе. Издалека доносился стук молотков: плотники только заступали на смену. По всей видимости, сооружался эшафот.

Я ступил в плохо освещенное помещение, огляделся, почти сразу увидел Ларса. Он тоже заметил меня, приветственно махнул. Я подошел, уселся напротив него. К нам тут же подбежала служанка. Ларс заказал вина, я попросил эля. Служанка убежала, и мы с Ларсом впервые посмотрели друг другу в глаза.

– Ну здравствуй, – коротко сказал он.

Мне показалось, он немного изменился. Нет, глаза всё так

же, на первый взгляд, лишены выражения, голос всё так же звучен, черты всё так же спокойно-тверды, но появились новые складки в углах рта, и редкая седина сквозит в, как всегда, тщательно уложенных темных волосах и маленьких, аккуратных, отвратительно дворянских усиках, которые он носил. Ларс старше меня на семь лет, но всё равно слишком молод для седины. Я подумал, что, пожалуй, не одному мне пришлось несладко за эти шестнадцать месяцев.

– Проклятье, я и не знал, что так сильно хочу тебя видеть, – вдруг проговорил я. Он молча протянул руку через стол. Я крепко пожал ее, он, в свою очередь, стиснул мою так, что у меня хрустнули кости.

– Без тебя тут много всего было, – вполголоса проговорил он. Вернулась служанка, поставила на стол заказ. Я выждал, пока она уйдет, и ответил:

– Да, Юстас мне уже рассказал. Как вышло, что вы разбежались?

– Это случилось до того, как я вернулся из Южных Лесов. Роланд со своими сиамскими близнецами уже был с Саймеком. Остальные намылились туда же. Я попытался вколотить в них здравый смысл обратно, но, ты же знаешь, у меня это никогда особо не получалось, – он коротко хмыкнул, помолчал, потом равнодушно продолжил: – В итоге остались мы с Греем вдвоем. Набрали ребят из наемников, потом кое-кто из наших вернулся... Но в основном специалисты по ближнему бою. Большинство арбалетчиков перебежали к Сайме-

ку. Сам понимаешь, тактику пришлось сменить. Мы теперь нападаем в открытую, реже, на менее численные отряды. Потерь стало больше, конечно. Ну и масштаб помельче. В лесах работаем мало, больше на побережье, в портах...

Я кивнул, кусая губы.

– Как думаешь, реально собраться снова?

– Реально... Почему нет? Только других ребят надо подыскать... Может, степняков...

Он неявно подтвердил мои собственные опасения, молча согласившись с тем, что нечего и думать о восстановлении прежнего состава. Он тоже не верил им. И не потому, что они перешли под начало человека, судившего об этой войне совершенно иначе. Потому, что когда пришлось действительно туго, они побежали под теплое крылышко, не особо заботясь о том, чье оно.

– Почему Юстас не с вами? – спросил я.

– А что ему с нами делать? Сам знаешь, какой из него солдат. А шпионы нам больше не нужны. Ну, не такие, во всяком случае. У нас всё равно не получается нападать так неожиданно, как это делали арбалетчики...

– Почему же он здесь торчит? – подозрительно поинтересовался я. Тот факт, что сразу четверо моих прежних соратников оказались в захолустье, больше не бывшем местом расположения штаб-квартиры, не казался мне простым совпадением.

К моему удивлению, Ларс сплюнул.

– Не спрашивай, – с отвращением сказал он. – Я ехал сюда по делу, вроде бы десяток ребят не прочь присоединиться к нам... Грей напросился со мной, хотя и на месте полно работы. Знал бы ты, как он меня достал за эти полтора года. Иногда мне кажется, что его проще прирезать.

– Паулина? – понял я.

– Она всегда была бездушной сучкой, – мрачно констатировал Ларс и залпом осушил стакан. Я покосился на свой эль, с сомнением отхлебнул, поморщился:

– Ну а при чем тут Юстас?

– Не догадываешься? Кому как не нашей сладкоголосой птичке быть вестником романтических чувств?

– Так они контактируют через пего?

– Скажи проще: Грей пишет слезливые письма, Юстас исправляет в них ошибки и отдает Паулине. А потом приносит ее зареванные ответы. Ей-богу, убил бы обоих... всех троих.

Я усмехнулся. Ларс не отличался особой чувствительностью. Женщины его любили, он же испытывал к ним почти физическое отвращение. Никогда я не встречал человека, с таким выражением лица выходящего из будуара любовницы. Слово он в дерьмо наступил, честное слово.

– Ну, а ты-то где был? – вдруг тихо спросил Ларс. Улыбка сбежала с моих губ. Я вздохнул, чувствуя, что теперь не смогу отделаться отговоркой. Да мне и не хотелось.

Я рассказал ему всё, что помнил или думал, что помню – начиная резней, устроенной Ржавым Рыцарем, и заканчивая

моим побегом. Ларс слушал молча, не кивая, не переспрашивая. Он всегда так слушал, и уже в который раз это меня коробило.

– Похоже на бред сумасшедшего, знаю, – сказал я, закончив. – Может, это и правда бред... Мой или тех людей. Но это ведь ничего не меняет, правда?

Ларс приложился к стакану. Я с удивлением заметил, что его бутылка почти пуста. Странно, рассказывая, я не видел, чтобы он пил.

– Эван, – наконец сказал он, и я похолодел от его тона, – ты крупно влип.

– Да, я понял, – с трудом усмехнулся я.

– Они не оставят тебя в покое. Я когда-то слышал об этой секте... Одна из самых древних и в свое время влиятельных. Тогда, тысячу лет назад, они спровоцировали войну, в итоге которой были почти полностью уничтожены. Видимо, это и переродилось в миф о заточенном Демоне...

– В миф? – с нервным смешком переспросил я. – Тот щенок достал мне арбалет из листа пергамента. Я так понял, это не слишком выдающееся событие для тамошних обитателей.

Ларс поднял на меня глаза, в них скользнуло замешательство.

– Ты знаешь, в мире полно всякой ерунды, объяснения которой сложно подыскать с помощью разума... Но на самом деле мы просто слишком мало знаем. Психи твои тюремщики или нет, но они опасны. В первую очередь – для тебя.

– Я думал... – я запнулся и неуверенно проговорил: – Может, мне попробовать найти женщину... второго Проводника?

– Зачем?

Я хотел ответить, потом понял, что отвечать в общем-то нечего. Просто та женщина, Миранда, не выходила у меня из головы... Я совсем не помнил ее лица, но волосы и развороченная грудная клетка намертво засели в памяти. И я сомневаюсь, что когда-нибудь смогу их забыть.

– Даже не думай, – твердо сказал Ларс. – Просто заведи себе пару глаз на затылке.

– У меня там уже и так две, – усмехнулся я.

– Еще одна не помешает. Ну и что дальше? – Хороший вопрос. Если бы я знал.

– Значит, вот что мы сделаем, – решительно проговорил Ларс. – За ближайшие три дня я улажу свои дела. Пока отдохни, приведи себя в порядок. Ты похож на беглого каторжника. Потом поедешь со мной.

– Куда? – спросил я, чувствуя странное, болезненное возбуждение.

– К Саймеку, – ответил Ларс.

ГЛАВА 8

Громкий визгливый скрип – словно вывеска старой харчевни раскачивается на годах не смазываемых петлях. Злость, усталость, недоумение. Опять? Зачем? Он уже выполнил свою задачи. Он думал, ему можно снова умереть. Злость, усталость, недоумение. И верность. И неумение задавать вопросы.

– Прости... Нам пришлось снова потревожить тебя. Ты чувствуешь? Да? Чувствуешь?

Железные ладони упираются в могильно-холодный камень неудобного ложа. Не сон, не начало пробуждения, не краткий миг между забытьем и бодрствованием – но и не явь. Никогда это не было явью.

– Теперь будь более осторожен. Он ждет тебя. Знает, что ты придешь за ним. Возможно, он будет не один. Только смотри не покалечь его! Подойди к этому... творчески.

Насмешка в голосе – над кем? И осознана ли она? Голос, вырвавший его из сна и швырнувший в неявь, тих и вкрадчив, как шипение гадюки.

Негромко, словно про себя:

– Джевген побаивается тебя... Зря... Ты ведь не такой, как она. Ты не такой... Хотя, может, он и прав. Дураки часто оказываются правы.

Пронзительный скрежет, скрип, мощная масса проржа-

вевшей стали сминает мелкую шероховатость камня.

Ни одного звука. Ни единого: ни здесь, ни снаружи. Шаг вперед, другой, третий. Так недавно это было, и уже так надежно забыто. Но ничего. Вспомнится. Как всегда вспоминалось.

– Эй...

Он замирает, сжимает кулак, предвкушая, кроша пока что далекие кости.

– Не торопись... Слышишь? Не торопись.

Он слышит.

Он не будет торопиться.

Сизое небо маячило над головой, незлое утреннее солнце паялилось в спину, пригревая затылок, легкий ветерок шуршал в редкой листве высоко вверху. Я вдыхал полной грудью прогретый летним солнцем воздух, жалея, что здесь, на севере, он не так свеж, как воздух Восточных Лесов – там от глубокого вдоха кружилась голова. Но все равно это было так сладко и так непривычно, что я чувствовал себя почти счастливым. На время я даже забыл, куда направляюсь.

Мы ехали втроем: я, Ларс и Грей. Юстас остался в Лемминувере, как я понял, по просьбе Грея. Он бы всё равно поехал, если бы я попросил или просто намекнул, что не прочь прокатиться на Перешеек в его компании. Но я рассудил, что, исходя из обстоятельств, стоит держать своего человека возле Паулины. Ее мне меньше всего хотелось терять: она

была незаменимым источником информации. Если я решил восстановить отряд, стоило иметь на примете таких, как она. Незаменимых нет, конечно... Но есть люди, которых просто трудно заменить.

Грея мое появление шокировало не меньше, чем всех остальных (за исключением Ларса, который, если и был шокирован, по обыкновению ловко это скрывал). Он засыпал меня вопросами, на которые я отвечал уклончиво либо не отвечал вовсе. Ларс посоветовал мне не слишком распространяться о моих захватывающих приключениях, и я вполне разделял его мнение. Это мое дело, и только мое... ну, может, еще той женщины, которую они считали вторым Проводником. Я всё время думал, что жрецы Безымянного Демона сделают, когда доберутся до нее, но успокаивал себя мыслями о том, что без меня она для них так же бесполезна, как и я без нее. Значит, лучший для меня выход – это не попасться им снова. Тогда эта женщина будет жить... «В маленькой красной комнате», – злорадно добавила какая-то часть меня, о существовании которой я раньше не подозревал. Интересно, а она-то умеет рисовать? Будет ли ей чем развлечь себя те годы, что она там проведет?

Эти мысли были неприятными, но мучили они меня недолго. Среди тихо шелестящей листвы подобные заботы отошли на задний план, уступив место более привычным и насущным. Сначала я был категорически против идеи Ларса. Я считал, что нет никакой необходимости оповещать мир о

своём воскрешении, и предпочитал собрать новую команду без лишнего шума, чтобы потом ударить по врагу в самый неожиданный момент.

Надо заметить, за эти полтора года ситуация дважды успела поменяться самым коренным образом: ближе к зиме войска Гийома и Шерваля встретились в одной из самых крупных битв за всю кампанию. Армия мятежного принца потерпела сокрушительное поражение и была отброшена почти к самым границам. Казалось, война подходит к концу, но тут Шерваль внезапно получил мощное подкрепление из Шангриера и меньше чем за месяц отвоевал все утраченные позиции. Вмешательство во внутренние дела королевства страны, более тридцати лет сохранявшей дружественные отношения с Гийомом, было для меня неожиданностью. Для Сопротивления тоже: Ларс сказал, что они толком не успели переосмыслить события и собрать все силы в тылу сильнейшего врага, которым на короткое время стал Гийом. Шерваль быстро восстановил недавний баланс, однако Ларс прогнозировал, что долго это не продлится. Помощь из Шангриера, по всей видимости, была разовой: похоже, они выполнили тайное соглашение, подписанное с Шервалем. Еще одна такая же трепка от старшего брата, и герцогу конец. Но пока что он прочно сохранял свои позиции, что не могло нас особо радовать.

Ларс сказал, что нет никакого смысла прятаться от людей. Мое возвращение будет шоком вне зависимости от того,

произойдет оно сейчас или тремя месяцами позже. Я считал, что лучше всплыть из небытия, имея крепко сколоченную команду, готовую к действиям; Ларс возразил, что мое явление сейчас поднимет большой шум и приведет под мое начало гораздо больше людей, чем мы сможем нанять скрывать. В общем-то он был прав: я подумал, что даже смогу собрать еще большую команду, чем прежде, хотя, конечно, уйдет время на установление такой организации и тех отношений, что были в прежнем отряде. А впрочем, о каких отношениях я говорю? Их преданность делу и мне не шла дальше слов и красивых жестов. Нет, я не сомневаюсь, что тогда, в лесной хижине под Арунтоном, они полегли бы за меня, но вряд ли это было бы осознанным и взвешенным решением. Чего уж теперь, мы все тогда крепко сдали. Так невелик оказался предел того, на что мы были способны.

Теперь же, я решил твердо, всё будет иначе. Больше порядка, больше муштры, строже взыскания, меньше интимности в личных отношениях. Мне по-прежнему нужны инициативные и умные исполнители, но больше не нужны друзья. Друзья слишком легко забывают о тебе и о деле, которым занимались под твоим руководством, стоит только пропасть на год-полтора. Исполнители смогут работать и дальше. Под началом другого человека. И это правильнее и честнее, чем трусливое отступление от всего, чему раньше были верны.

Грей полностью разделял мнение Ларса, и в конце концов они уговорили меня показаться в лагере Саймека. Ларс уве-

рял, что очень многие из этой медленно и неуклюже собирающейся армии перейдут к нам, если увидят меня. Не знаю, подразумевал ли он под этими «многими» бывших солдат моего отряда, но я не думал, что они попросятся назад. Они знали, как я отношусь к Саймеку, знали, на что идут, вступая в его ряды. Да, они считали меня мертвым... но таким образом они фактически предавали мою память. Не то чтобы я придавал особенное значение ритуальному чтению доблестно павших, но, видят боги, будь я в самом деле мертв, в гробу бы перевернулся. И они это знали.

И всё-таки я дал себя уговорить. Ларс сообщил, что они с Греем и так собирались навестить Саймека, чтобы спланировать совместные действия, – солдаты Рича частенько мелькали в зонах, принадлежавших группе Ларса, чем порой усложняли ей дело. Далее Ларс планировал вернуться в Восточные Леса, где «на хозяйстве» остались близняшки Арлетт и Линнетт, если верить Ларсу, здорово управлявшиеся с организацией нападений. Арлетт была отличным тактиком, я это знал, а вот Линнетт меня удивила. Я привык воспринимать ее как придаток к энергичной и сообразительной сестре, но, похоже, ошибся. А может, ее способности в полной мере раскрылись лишь когда она столкнулась с организацией ближнего боя. Я снова подумал, что мое отсутствие многое изменило, и впервые отметил, что не всегда в худшую сторону.

По возвращении в леса Ларс хотел восстановить старую добрую практику дальних засад, только более численных и

сложнее организованных. Он рассказывал о своих планах прямо на скаку, глядя перед собой и лишь изредка бросая на меня короткие внимательные взгляды: мол, понимаешь, о чем я? Грей этим взглядам вторил, похоже, соглашаясь с Ларсом по всем пунктам. Да, я понимал, о чем они говорят. Не понимал я другого: почему они не могли сделать всё это раньше, без меня? Какая роль отводилась мне в этом начинании? Впрочем, я знал ответ. Роль человека, который будет одобрительно хлопать по плечам и зло лупить по затылкам. Роль человека, который создает иллюзию упорядоченности, сплоченности, организованности. Проще говоря, роль символа. А разве я когда-либо играл другую? Это мое амплуа. Мое место. Почему-то я подхожу на него лучше, чем другие.

Части Саймека сейчас дислоцировались где-то на Перешейке – узкой полосе суши, соединяющей полуостров с материком. Места глухие: те, кому надо было переправиться в зону Восточных Лесов, чаще предпочитали пересекать залив – это и быстрее, и безопаснее, чем шляться по лесным дорогам. Особенно такой путь в последние годы не любили роялисты, да они и вообще мало совались в восточную часть королевства – не партизаны, так Зеленые гарантировали множество хлопот. Поэтому Перешеек успехом у странников не пользовался. Местность неприветливая: на треть – скалы, на треть – пустоши, на треть – редкие лысые пролески. Саймек, вместе со своей сильно разросшейся армией, обосновался в скалах, изгрызанных туннелями, напоми-

нающими крысиные ходы – места много, укрытие хорошее, в случае чего легко уйти через пещеры к берегу, а там – по воде. Отличное место для временного расположения небольшой армии. У меня бы быстро задница заныла, но Саймек во всем любил основательность.

Мы доехали до Перешейка меньше чем за неделю, делая редкие остановки в придорожных трактирах, а чаще – просто под открытым небом. Я настаивал на последнем – к постоянным дворам у меня образовалась довольно прочная неприязнь, вызванная застрявшей в памяти красной комнатой. Несколько раз я вскрикивал, проснувшись посреди ночи и видя над собой низкий темный потолок, и это беспокоило Грея, а отвечать на его расспросы мне по-прежнему не хотелось. Ларс ничего не говорил, но шел мне навстречу, и я знал, что с его стороны это было уступкой: он пользовался малейшей возможностью перекинуться в карты, а такая возможность предоставлялась, как правило, именно на постоянных дворах. Карты были его слабостью – кажется, единственной. Я ее не ободрял, Ларс это знал и соглашался со мной. Поэтому чаще всего я засыпал, обратив лицо к усыпанному звездами небу. Я и забыл, как хорошо быть свободным. Впрочем, не думаю, что я когда-нибудь это осознавал.

В один из дней, когда хилый пролесок уже исчез из виду, а на горизонте замаячили ощерившиеся низкими пиками скалы, Ларс спешил раньше обычного.

– Ты чего? – удивился я, придержав коня. – Еще можно

ехать пару часов.

– Не стоит, – ответил он, – Если мы подъедем слишком близко, нас запросто могут встретить ливнем стрел. Эти ребята сначала стреляют, а потом здороваются. А так им придется самим пошевелиться и навестить нас. Слезайте, парни. Отдохнем перед атакой.

Мы с Греем спешили, надрали хвороста с кустарника, которым поросла пустошь. Ларс завел коней с подветренной стороны большого куста, привязал, потом развел костер так, что его было хорошо видно со скал.

– Приглашаем на огонек? – хмыкнул я.

– Что-то вроде того, – Ларс присел на корточки лицом к скалам, подбросил веток в сухо потрескивавшее пламя. – Надо, чтобы побольше дыма... А то проторчим тут до утра.

– Думаешь, они придут раньше?

– Конечно, – отозвался за Ларса Грей. – У них теперь гораздо строже с... с посетителями, – он сам усмехнулся этому определению.

– Шпиков боятся?

– И не без оснований. Они ничего толком не делают, но уже собрали достаточно сил, чтобы Шерваль начал воспринимать их всерьез. Думаю, скоро они начнут настоящую войну.

– Грей, что там у вас с Паулиной? – бесцеремонно спросил я.

Грей вспыхнул ярче, чем костер. Ларс злорадно хмыкнул:

– И огня не надо, вон, заметили, уже скачут, – прошипел он, отворачиваясь. Грей посмотрел на него с ненавистью. Потом на меня – почти так же.

– Ничего, – процедил он.

– Я понимаю, что ничего. Меня как раз интересует, почему вышло, что у вас с Паулиной ничего. Из-за тебя мы потеряли очень важного человека. О чем ты думал, отпуская ее к Саймеку?

– Я не... – он запнулся, непонимающе глядя на меня. – Она просто захотела уйти...

– Ты не должен был ее отпускать, – твердо проговорил я, не сводя с него безжалостного взгляда. – Плевать, что там у вас произошло, но она должна была остаться в наших рядах. То есть в ваших с Ларсом рядах. Думаю, даже наш любимец женщин не станет отрицать, что шпионы такого уровня, как Паулина, находка для любой армии. Вне зависимости от рода ее кампаний. Ларс, попробуй только возрази.

– Я бы с радостью, – неохотно отозвался тот. – Да нечего.

– Я не мог ее переубедить! – отчаянно выпалил Грей, метаясь взглядом от меня к Ларсу в тщетной надежде найти поддержку. Я коротко усмехнулся:

– Валяй, успокаивай себя. Но, по мне, ты просто плохо сработал. Я понял, вы все тогда здорово психанули, просто у каждого это проявлялось по-разному. Паулина сбежала к Саймеку. Ты ее к этому подтолкнул. Ну что ж, отлично. Можешь собой гордиться.

Он безвольно уронил голову на грудь, потом вскинулся.

– Мои бойцовские качества никак не зависят от бабы, с которой я сплю, – почти выплюнул он, и Ларс ухмыльнулся. Его школа. Что ж, друг, постарался ты на славу. Теперь будем выколачивать эту науку из твоего прилежного ученика.

– Именно, – холодно сказал я. – Вот поэтому ты, после возвращения от Саймека, поедешь обратно в Леммипувер и вернешь нам Паулину.

– Постой-ка, но ведь... – начал было он со смесью гнева и смущения, но я перебил его:

– Мне плевать, как ты это сделаешь. Вы с Ларсом без нее обходились. Мне она нужна. Вот и верни ее. Мне.

Да, вот это последнее слово было очень удачным, тут же понял я, заметив в полном замешательстве взгляде Грея тень глухой, но неистойвой радости. Мне, очень хорошо, верни ее мне. Нам. Но не себе. Внешне – не себе. Я вдруг понял, почему они так цеплялись за меня, почему так сникли, меня потеряв. Не знаю как, но я умел отдавать приказы таким образом, что они были счастливы их выполнять. И не знаю, поступал ли я так ради дела, или же ради людей, которым хотел и не имел права помочь более явным способом.

Я поймал насмешливый взгляд Ларса и понял, что он думал о том же. Мы обменялись беглыми понимающими улыбками, потом глаза Ларса обратились к зубастому горизонту и слегка потемнели.

– Быстро они, – равнодушно заметил он, отряхивая сухую

землю с колен и поднимаясь на ноги.

Я посмотрел вперед. Вдали, примерно посередине между нами и скалами, виднелось несколько движущихся черных точек, перемешанных с серыми клубами пыли. Точки быстро приближались, превращаясь в небольшой отряд всадников. Мы с Греем тоже встали. Ларс, пристально всмотревшись вдаль, быстро сказал:

– Эван, отойди за куст и повернись спиной. Ну, как будто отлить отошел.

– Зачем?

– Хочу устроить им небольшой сюрприз.

Я выполнил его просьбу, чувствуя легкий азарт. Видимо, Ларс, обладавший истинно орлиным зрением, заметил среди всадников человека, который меня знал. Кого, интересно?..

Я уже отчетливо слышал топот лошадиных копыт, взмывающих тучи гальки, и боковым зрением улавливал надвигающиеся тени. Кони заржали, загребая ногами. Я услышал до боли знакомый голос:

– А, Ларс, Грей, это вы! Раньше, чем собирались, верно? Рич ждал вас только на будущей неделе.

– Обстоятельства изменились, – ответил Ларс.

– Кто это с вами? – в голосе прозвенело подозрение, и я огорчился недоверию, которое питали друг к другу бывшие соратники.

– Наш друг, – невозмутимо проговорил Ларс.

– Чего это он там стоит, а? Пусть выйдет! Эй!

– Вот проклятье, уже отлить человеку спокойно не дадут, – раздраженно сказал я, оборачиваясь. – Привет, Роланд.

С минуту он смотрел на меня, хватая ртом воздух. Я воспользовался этим, чтобы бегло оглядеть его и патруль, который он, судя по всему, возглавлял. Шесть человек, все в отменной броне. Впрочем, по-прежнему уязвимой для арбалетного болта. Больше ни одного знакомого лица. Солдаты, казалось, были озадачены состоянием своего командира, похоже, близкого к обмороку.

– Ты? – наконец прохрипел Роланд, покачнувшись в седле. Мне показалось, что он хочет спешиться, но нет, он остался в седле. – А мы-то думали...

– Я уже наслышан о том, что вы думали, – перебил я и повернулся к Ларсу. – Ну как? Въездной досмотр окончен, или будут устанавливать личности? Можем ехать?

– Тебе-то зачем? – вдруг спросил Роланд. Я постарался не выказать, как задел меня его вопрос.

– Если помнишь, я возглавляю крупный партизанский отряд, – холодно ответил я. – У меня есть дело к командиру другого отряда Сопротивления.

– Это не отряд, – уязвленно рявкнул Роланд. – Это армия! Проклятье, настоящая армия! В отличие от... – он осекся, и я воодушевленно подсказал:

– В отличие от шайки лесных белок, да, Рол? Договаривай, не бойся. По старой дружбе, в конце-то концов...

Повисла пауза. Грей недовольно хмурился, Ларс насмешливо крутил ус, Роланд прятал глаза, хотя его мелко трясло от злости. Остальные солдаты угрюмо переглядываясь, по всей видимости, слабо понимая смысл происходящего, однако не решались вмешиваться. Похоже, с чинопочитанием в команде Саймека всё было в порядке.

– Ладно, – наконец сказал Роланд, прерывая затянувшуюся тишину. – Поедем в лагерь, там разберемся.

Мы двинулись к коням, но тут один из всадников крикнул:

– Эй, чужакам положено сдавать оружие!

Я круто развернулся. Со дня своего возвращения в мир живых я не расставался с арбалетом и делать этого не собирался. Не каким-то горным крысам лишать меня права носить оружие. Я и так был слишком долго его лишен.

– Прости, Эван, – хмуро ответил Роланд. – Таковы правила. Возможно, Рич сделал бы для тебя исключение, но его здесь нет.

Я смотрел ему в глаза. Он потупился очень быстро. Всадники заволновались. Грей и Ларс молчали за моей спиной, предоставляя право принимать решение самому.

Я вдруг понял, что, хочу я того или нет, мой мир изменился. Изменился в очередной раз, и мне в очередной раз придется с этим свыкнуться. В конце концов, не впервой.

– Хорошо, Роланд, – наконец проговорил я и почувствовал, как напряжение еще больше сгустилось после этих слов.

Медленно сняв с пояса арбалет, я протянул его бывшему другу. Тот принял с трепетом, словно священный дар. Четыре руки сжали приклад арбалета. Я увидел, как вздулись вены на тыльной стороне ладоней Роланда. – Доверяю его тебе. Знаю, ты проследишь, чтобы мне его вернули в целостности и сохранности.

– Проклятье, можешь в этом не сомневаться! – пылко заверил Роланд, вскинув голову, и снова встретился со мной взглядом. Я увидел в его глазах замешательство и отчаянную попытку понять собственные чувства и решил, что нет никакого смысла его терзать – сам истерзается.

– Надеюсь, ты не пожалеешь об этом, Рол, – тихо сказал я и, убрав руки с арбалета, повернулся к ожидавшим меня Ларсу и Грею. – Ну, парни, сдавайте ваше железо и по коням. Засиделись тут.

Они молча подчинились, и я впервые со дня моего возвращения почувствовал себя почти как прежде. Это чувство наполнило меня неожиданным мрачным удовлетворением. Я легко вскочил в седло, на несколько мгновений опередив Грея и Ларса, отдавших оружие людям Роланда. Пустил коня рысью и, проезжая мимо солдат, услышал, как один из них спросил другого:

– Как Роланд его назвал?..

– Эван, – громко ответил Ларс, ехавший рядом со мной. – Эван Нортон.

Он прищипорил коня. Я сделал то же самое, Грей присо-

единился к нам, и на несколько минут мы оставили всадников далеко позади.

ГЛАВА 9

Скрип песка в железной ладони. Сухой водопад льется на темную землю. Закованные в железо пальцы задумчиво перебирают песчинки, тонкой лентой пропускают вниз. Здесь нет запахов. Не так, как в лесу: там каждый дюйм земли пропитан потом тех, кто лежал на ней двести лет назад. Здесь запахов мало... Тонкая струя острого аромата со стороны скал, и всё.

Где-то там...

Где-то там.

Огромная ржавая ладонь черпает серый песок. Черпает и высыпает, черпает и высыпает. Здесь все наполнено неуловимыми отпечатками духа того, кто ему нужен: на каждой песчинке, на каждой камешке, на каждой ломкой ветке. А запаха нет. Без запахов трудно.

Но он справится.

Внезапный порыв ветра сдувает с гор застоявшиеся ароматы, тонкие, чуткие, как подрагивающие ноздри росوماхи, приготовившейся к прыжку. Скрип железных плечей, медленное растекание застоявшейся крови по бесплотным жилам.

Долгий взгляд на перечеркнутые решеткой забрала горы. Полосатые горы. Зарешеченные горы.

Там.

Скрип песка в железной ладони, скрип ржавого железа о землю. Скрип, похожий на крик. Тоненький, далекий... женский крик.

Неуловимый аромат дыма, тянущийся с низких горных пиков. Там.

Лагерь оказался сравнительно небольшим – пожалуй, около сотни человек. Правда, еще не меньше тысячи могли прятаться в туннелях и пещерах, но я не думал, что Саймек рискнет сосредотачивать все свои силы в одном месте – слишком долго он их собирал, чтобы так опрометчиво подставить под удар. Мы шли по лагерю спокойно, уверенно, ничуть не смущаясь тем, что спереди и позади вышагивали закованные в броню мечники, сильно смахивавшие на конвой. Роланд молчал и только сопел, старательно пряча от меня взгляд. Ларс был, как всегда, насмешливо-невозмутим, Грей слегка нервничал, но, мне кажется, это было вызвано скорее моим присутствием, чем неприветливостью наших союзников. Я украдкой оглядывался, скользя взглядом по встречным людям в поисках знакомых лиц. Несколько раз я видел глаза, в которые мне уже доводилось смотреть прежде, видел, как они расширялись, и шел дальше, коротко и небрежно кивнув. На самом деле я понимал, что ищу лишь одно лицо, но его здесь не было, и я не знал, в самом ли деле огорчен этим.

Саймек принял нас в дальней пещере, весьма уютно обо-

рудованной под жилое помещение. Стены были обиты шкурами, вход преграждала добротно сколоченная деревянная дверь. Внутри стояли вполне удобная походная кровать, стол и несколько скамей. На них мы и расположились после формальных приветствий. Саймек казался удивленным, но не более того. Видимо, ему уже успели сообщить о моем появлении.

– Рад тебя видеть, Эван, – сказал он, пожимая мне руку. Его ладонь была сухой и вялой, впрочем, под стать ему самому. Рич Саймек производил впечатление апатичного и слабавольного человека. Черты лица у него были размазанные, мягкие, в особенности подбородок, округлый и рыхлый, как у старухи. Рич прятал его под жиденькой рыжей бороденкой, впрочем, не слишком успешно. Телом он тоже не вышел – грузноватый, с вечно красными руками. Даже глаза у него были блеклые, слезящиеся – глаза старой доброй собаки. Непосвященного наблюдателя такая внешность могла ввести в заблуждение, но я-то знал, что у него не в порядке с головой. Впрочем, вряд ли с ней в порядке хоть у кого-то из нас, людишек, возомнивших себя достаточно крупными шавками, чтобы покусать за пятки хозяев этой жизни.

Я знал, что он лжет, говоря, что рад мне, и моя ответная улыбка была такой же натянутой и неестественной, как его радость.

– Где пропадал? – как бы невзначай обронил Рич, усевшись за стол и махнув конопатому прислужнику. Саймек

был из низов, как и все мы, но старался держаться как рыцарь, чем тоже не вызывал у меня особого уважения.

– Далеко, – уклончиво ответил я, садясь напротив него. Ларс и Грей сели по бокам: трое против одного. Со стороны, должно быть, это выглядело как переговоры враждующих сторон.

– А что думаешь делать теперь? – сладко спросил Саймек. Мальчишка-слуга перевернул над его кубком кувшин, тугая темная струя ударила в деревянное дно. – Трудно будет найти себе новое применение, верно?

– Да уж постараюсь, – спокойно ответил я.

– Ты хороший солдат, – оценивающе посмотрев на меня, заметил Саймек. Грей тихо фыркнул, потянулся к вину. Я пнул его в бедро под столом, и он отдернул руку, бросив на меня удивленный взгляд, а Ларс одобрительно прикрыл глаза.

– Спасибо, – вежливо ответил я.

– Думаю, таким, как ты, найдется место в наших рядах, – великодушно заверил Саймек. Я подумал, не полагается ли мне прослезиться, потом решил, что это будет слишком явным издевательством.

– Спасибо еще раз, Рич, но вряд ли. Мне уже сделали подобное предложение, и я его принял.

– Кто? – немедленно спросил Саймек, и на миг в его заплывших белых глазках сверкнул хищный огонек, выдававший его истинную натуру. Небось решил, что я договорился

с Шервалем. А то и с Гийомом. Ха-ха.

– Я, – ответил за меня Ларс. – Думаю, теперь мы сможем расширить сферу действий.

– Конечно, – пытливо глядя на меня, кивнул Рич. Похоже, он раздумывал, стоит ли воспринимать слова Ларса буквально, и действительно ли теперь главный он, а мне уготована лишь роль командира арбалетчиков в растущем сопротивленческом отряде. Если так, то, вероятно, он мог воспринять нас как реальную конкуренцию. Сейчас попытается выведать, чем же мы намерены заниматься.

– И чем же вы намерены заниматься? – простодушно спросил Саймек, и я едва не рассмеялся.

– Всё тем же... Я, во всяком случае, займусь всё тем же, если Ларс не против, – добавил я, внезапно поняв простоту и изящество идеи Ларса. Конечно, я теперь – лишь элемент в более сложной составляющей, а значит, не так опасен, как прежде. В то же время благополучно засветился в лагере Саймека, что не может не дать плодов. Отлично.

– Времена меняются, да, Эван? – в голосе Саймека звучало неприкрытое сочувствие. – Тебя так долго не было. Некоторые методы устаревают.

– Но их всё ещё можно использовать, если подойти к этому разумно, – возразил Ларс. – Вот об этом я и хотел с тобой поговорить, Рич.

Браво, Ларс! «Я хотел с тобой поговорить». Не «мы» – «я».

– Ты знаешь, – продолжал он, – в последние полтора года мы ограничивались эпизодическими атаками и ближним боем. Теперь, думаю, мы сможем наносить точечные удары на большей территории. Мы не брали форты лишь потому, что их сложно удерживать. Теперь эта проблема решена – ею займется Эван.

Вот так, дружище, отлично, это та кость, которую мы бросим бедняге Эвану, с него за глаза хватит, а нам польза – верно, Ларс?

– Твои люди ведь тоже чем-то подобным занимаются, правда? Поэтому давай спланируем действия.

Они заговорили о распределении территорий. Саймека главным образом волновало, чтобы группы Ларса действовали подальше от места расположения основной части его войск, потому что в случае облавы такое количество людей и вооружения скрыть было бы невозможно. Ларс же хотел, чтобы люди Саймека поменьше хозяйничали на нашей территории – партизаны легко сливались с толпой мирного населения, а закованные в броню мечники слишком бросались в глаза. Они обсуждали всё это довольно бурно. Грей встревал пару раз, причем по делу, чем несказанно меня порадовал. Я тоже вставил несколько замечаний, но только когда разговор касался будущего захвата фортов – сферы, которой я должен был, в представлении Саймека, ограничиться. Меня удивляло, что он поверил в этот блеф. Правда, сие означало лишь то, что он всегда был невысокого мнения о моих

организаторских способностях, если решил, что я так быстро сдам позиции, ограничившись ролью скромного исполнителя. Он мне льстил. Я слишком люблю помыкать людьми, чтобы отказаться от этого так легко.

Но я был заинтересован в поддержании у Саймека сей призрачной уверенности, поэтому молчал в тряпочку, позволяя Ларсу руководить ходом переговоров и краем глаза наблюдая за реакциями Рича. К концу разговора он, похоже, расслабился, перестав воспринимать меня как скрытую угрозу, и сосредоточил внимание на Ларсе, как ему казалось, ущемлявшем его законные права. У меня так и чесался язык сказать, что ни о каких правах, тем более законных, в нашем случае речь идти не может, но я сдержался. Я еще не раз сдерживался. В конце концов они сторговались – хоть и совершенно не так, как это сделал бы я, но на этот раз стоило пожертвовать подобной мелочью. Если повезет, мы получим от этого визита гораздо больше, чем словесное обещание невмешательства в наши дела, причем Саймек узнает об этом, когда будет слишком поздно что-либо менять.

– Ну что ж, я рад, что мы смогли договориться, – подвел черту Рич, получив все, что хотел. – Впрочем, так ведь было всегда, верно?

Мы закивали. Он пожал нам руки – мне в последнюю очередь. Ларс спросил:

– Рич, мы можем переночевать в лагере?

Он нахмурился, потом, помявшись, неохотно ответил:

– Разумеется. Но всё же не стоит слишком задерживаться. Скажу вам откровенно, не всем моим людям по душе, что я веду с вами переговоры. Они считают, что кто не с нами, тот против нас. Я пытаюсь объяснить, что у нас просто разные методы, а цель одна, но...

– Не продолжай, – поднял ладони Ларс. – Мы всё прекрасно понимаем. Одна ночь.

Да, мы всё прекрасно понимали. В частности то, что Саймек отнюдь не дурак. Может, я и превратился в подчиненного, но сотни его людей этого пока не знают. Их может увлечь моя былая слава, в особенности тех, кто когда-то был частью команды арбалетчиков, а лишаться бойцов Ричу очень не хотелось. Как раз в этом я мог его понять.

Затем мы, как и полагается предводителям союзных армий после удачных переговоров, надрались в стельку. На самом деле не надрался ни один из нас (за исключением Грея, который, как я ни пинал его под столом, всё же хватил лишнего), но все четверо старательно демонстрировали, до чего пьяны, пытаясь разговорить собутыльников. В итоге, не солоно хлебавши, разошлись с заверениями в дружбе и верности до гробовой доски.

Нам выделили отдельную пещеру – вероятно, чтобы спрятать меня от глаз солдат, так как Ларс сказал, что во время прежних визитов спали все вместе, вповалку, да и я это помнил по двум или трем посещениям лагерей Саймека. Однако пещера не помогла: шестеро патрульных, вероятно, не без

участия Роланда, растрезвонили о моем появлении на весь лагерь. Будь сейчас день, они бы собрались в толпу и глазели бы на меня, как на какую-то диковинку. Но была уже ночь, когда мы вышли из командирской пещеры, поэтому круг зевак ограничился десятком человек, сгрудившихся возле костра, у которого я сидел. Знакомых лиц я среди них не видел – должно быть, мои бывшие соратники терзались муками совести и подходить не смели. Даже Роланд не явился. А незнакомых было много. Они подходили, садились, нерешительно спрашивали, тот ли самый я Эван Нортон. Те, что посмелее, расспрашивали, где я шатался столько времени. А один спросил:

– И что, ты снова наберешь команду?

Все – а к тому времени у костра, помимо меня и Ларса (Грей завалился спать, он и правда, перебрал), собралось уже две дюжины человек – как-то сразу примолкли. Мне показалось, что этот вопрос вертелся на языке у многих. Я выдержал паузу, потянулся, выпрямив ноги и оперевшись руками о землю, а потом спокойно ответил:

– Ну да. Разумеется. А почему ты спрашиваешь?

– Да так, – стушевался тот. – Просто...

– Жаль, – заметил я. – Мне нужны ребята, умеющие управляться с арбалетом. Хотелось бы наверстать упущенное.

– А что, ты планируешь сразу приступить к действиям? – спросил другой солдат, сидевший на корточках возле огня.

У него были сильные и гибкие пальцы опытного лучника, а по нетерпению в его голосе я понял, что ему (и, вероятно, не только ему) до смерти осточертело это варение в собственном соку среди низких горных пиков. В этом была ключевая ошибка Саймека: надеясь скопить силы, он растрачивал попусту боевой дух своих солдат, что не могло их особо радовать.

– Конечно, – ответил я. – Дел скопилось невпроворот. Думаю, мы приступим к действиям, как только я наберу достаточно людей для простейшей операции.

– Это сколько? – спросил кто-то. Ларс слабо улыбнулся – мол, что я тебе говорил. Я не спорил. Направление разговора мне определенно нравилось.

– Полтора десятка, думаю, хватит, – небрежно сказал я. Никто не ответил. Человек с пальцами лучника хмыкнул, кивнул, поднялся. Солдаты понемногу стали расходиться. В конце концов мы с Ларсом остались у костра вдвоем.

– Ну вот, – наконец сказал он. Искра, отскочившая от костра, на миг высветила его резкие черты, – Завтра утром тут выстроится очередь. Только успевай записывать.

– Думаешь, они придут?

– Придут. А если не они, так те, кому они сегодня передадут твои слова. Саймеку наверняка донесут, ну да ладно. Уже будет поздно.

– Тогда зачем весь этот спектакль? Если уже завтра утром он узнает, как всё обстоит на самом деле?

– Эван, если бы он понял, что ты собираешься снова возглавить отряд, то выпер бы нас отсюда через минуту после окончания переговоров. Чего доброго, с кляпами во ртах, чтобы не успели ничего болтнуть по дороге. Одна ночь – конечно, маловато, чтобы устроить полноценную пропаганду, но и этого в принципе должно хватить. Нам была нужна эта ночь. Только и всего.

– А может, так и надо, Ларс? – вдруг спросил я, запрокинув голову и рассматривая ночное небо. Густое, синее, с пронзительно-яркими огромными звездами. Давно я не видел такого неба.

– Как? – не понял Ларс.

– Как ты сказал Саймеку. Ты – генерал партизанской армии, Грей – командир атакующего подразделения, мое дело – оборона. Разве это не правильно? Разве так не будет лучше для всех?

– Было уж лучше! Без тебя! Эти полтора года. А что? Блеск! Полноценная армия. А не какая-то там... шайка лесных белок, так ты вроде сказал, да?

– Ты чего? – поднял голову я, удивленный злостью, звучавшей в его голосе.

– Я – ничего. В том-то все и дело. Я – ничто. И Роланд ничто, и Саймек. Ты видел, как блестели глаза этих ребят? За тобой они пойдут. За тобой все идут, Жнец тебя побери. Саймек дурак. Он никогда не сможет скопить достаточно большую армию, чтобы нанести удар по Шервалю. Как толь-

ко он хоть немного приблизится к нужному количеству, их лагерь станет невозможно скрывать. И это относится к любой сопротивленческой армии. На то мы и партизаны, чтобы прятаться по кустам. Но только ты умеешь делать так, что, прячась по кустам, мы умудряемся еще и бить. Я теряю очень многих. Больше, чем могу себе позволить, учитывая то, как пополняются мои войска. А ты не теряешь почти никого. Вспомни, за четыре года, что мы дрались вместе, погибло не больше десятка. И то лишь потому, что по собственной глупости попались Зеленым. С твоими методами, с тобой – мы неуязвимы. Или, по крайней мере, кажемся такими...

Я слушал, не глядя на него, и пытался понять, зачем вынудил его это сказать. Ведь я же знаю всё, знаю. Но хочу услышать опять, снова и снова. Может, потому, что лишь услышав такие слова от другого человека, я верю в их истинность?

Ларсу я верил.

Я вдруг заметил, что чья-то мутная фигура уже почти вплотную приблизилась к костру, и вздрогнул. Ларс тоже повернул голову, нахмурился, машинально потянулся к отсутствующему ножу. Человек подошел вплотную, низкое пламя высветило плотно обтянутые кожаными штанами ноги, квадратные носки замшевых сапог. Человек присел, красный отблеск полоснул по напряженному белому лицу, по смоляным волосам. У меня вдруг сжалось горло.

Ларс убрал руку с пояса, пружинисто поднялся, рассеянно

бросил: «Привет», потом повернулся ко мне.

– Ладно, пойду-ка я спать. Завтра, небось, поднимут чуть свет, в шею погонят, – он криво усмехнулся и, развернувшись, пошел к отведенной нам пещере, где уже вовсю храпел Грей.

Я дождался, пока его шаги стихли, потом повернулся к огню, стараясь сдержать внезапно охватившую меня дрожь.

– Ну? – проговорил я, – Как бы здравствуй? Не хочешь ничего сказать? Вроде: «ах, это ты», «где ты был», «а мы решили»? Или что-нибудь новенькое придумаешь?

Она молчала. Смотрела на меня и молчала, ни звука не обронив, ни вздоха. Странно, все сразу начинали кричать и оживленно двигаться при моем появлении, ну или как минимум сильно и искренне удивляться. Я обнаружил, что успел к этому привыкнуть.

– Так и будем молчать? – спросил я несколько минут спустя. – Ладно, рад был убедиться, что ты в порядке.

Я оперся руками о землю, привстал, готовясь подняться, и вдруг, увидев ее лицо с другого ракурса, понял, что оно мокрое. Полностью мокрое: не только глаза и щеки – губы, нос и даже лоб. Словно она только что умылась.

Я хотел что-то сказать, потом осекся, нерешительно потянулся к ней. Она рухнула, словно подкошенная, на миг дико меня перепугав, а потом вцепилась в мою куртку обеими руками, уткнувшись лицом мне в грудь. Я почувствовал, как она дрожит – и не просто дрожит, ее буквально колотило,

словно в ознобе. Не в силах больше сдерживаться, я неловко схватил ее в охапку, прижал к себе. Она вцепилась в меня еще крепче, по-прежнему содрогаясь, и я услышал глухие, едва слышные рыдания.

– Не надо, – прошептал я, кладя руку ей на затылок. – Успокойся, хватит. Ну жив я, жив. Всё, успокойся.

Она не успокаивалась долго. Потом, наконец, отняла опухшее лицо от моей насквозь промокшей рубашки и, вскочив, молча потянула меня в темноту.

– Я тебя рисовал, – вдруг сорвалось с моих губ – не помню, когда и почему.

Над нашими головами назойливо звенели комары. Было темно, хоть глаз выколи. Не знаю, куда она меня затащила, но, похоже, на много ярдов вокруг не осталось ни души. А может, и на много миль. Мне так казалось. Одежду я к тому времени уже снял.

– Я тебя рисовал всё время, сначала лицо, потом тебя всю, голую. И это спасло мне жизнь. Понимаешь? Твое голое тело спасло мою жизнь.

Горячие влажные губы зажали мне рот.

К пещере мы пробирались воровато, словно подростки, забавлявшиеся на сеновале без родительского благословения. Лагерь погрузился в сон, костер возле нашей пещеры догорел – красноватые угли блекло тлели во мраке. Огни караульных костров казались светлячками в огромном котловане ночи.

У входа мы опять целовались, очень долго и жадно. Потом я легонько подтолкнул ее в темноту и тихо скользнул в пещеру.

Не успел я ступить внутрь, как стальная рука схватила меня за лодыжку. Я едва не заорал от неожиданности, но подавил крик, услышав невозмутимый голос Ларса:

– Проклятье, я уже начал волноваться. Чем вы там занимались?..

– Угадай с трех раз, – огрызнулся я.

– Гхм... понятно. Глупый вопрос, согласен, извиняюсь.

– Дай пройти... Чего ты вообще разлегся поперек входа?!

– На случай незваных гостей.

– Что?.. Каких гостей?

– Наивная душа. Саймек будет последним дураком, если не придет сегодня ночью кого-нибудь тебя прирезать. Ложись, я покараую.

– Ларс!..

– Заткнись. Грея разбудишь. Если он не проспится как следует, будет завтра мучиться похмельем, заодно и нас замучит.

Я умолк, сраженный таким аргументом. Ларс, как всегда, просчитывает больше, чем я. Мне было бы трудно без него. Очень трудно.

Я уснул быстро. Мне снилась Флейм, не та, которую я только что обнимал, а ее двойник, явившийся мне в красной комнате в храме Безымянного Демона. Она танцевала, вски-

дывая руки над головой, и дразняще улыбалась, а я пытался схватить ее и не мог: пальцы проходили сквозь нее, как сквозь тени, несшие меня над своими головами. Джейкоб сидел в стороне и громко, нагло хохотал над моими безуспешными попытками. Я чувствовал отчаяние и злость, но не мог ни поймать ее, ни остановиться. А потом вдруг дверь слетела с петель, и вошла настоящая Флейм. Подошла к двойнику и ударила его по щеке. И ее пальцы не прошли сквозь иллюзорную плоть, а оставили на ней широкий алый след.

Ларс растолкал меня затемно. Грей, разбуженный минутой раньше, уже постанывал в стороне. Вид у Ларса был хмурый. Я подумал, что, вероятно, его опасения подтвердились, хотя я ничего не слышал, но не время было спрашивать. Мы вышли наружу. Лагерь только просыпался, но у пещеры стояли наши кони. Рядом с ними – Флейм, державшая наше оружие.

И еще, по меньшей мере, двадцать человек. Большинство – уже верхом.

– Так, – переведя дыхание, сказал я. – Давайте, ребята, быстро. И тихо.

К тому времени, когда первые лучи солнца позолотили горизонт, мы были уже на расстоянии трех полетов стрелы от скал.

ГЛАВА 10

Завывания ветра снаружи, но это – снаружи. Внутри спокойно и сухо. Но это – снаружи. А в глубине – вой. В той глубине, которой не увидеть, не потрогать, которой не подставить лицо. Только – душу. Полную той же злости, того же негодования. Но – по иной причине. По обратной причине.

– Жнец бы его побрал! Я так и знал, что эти трое что-то замышляют! А ты знал? Почему ты мне не сказал?!

– Успокойся, Рич! Я ничего не знал. Они не слишком со мной откровенничают.

– Но ты же был в его отряде! В его гребаном отряде... Ты должен бы быть первым, кого он позовет назад!

– Не позвал. Ты доволен? Он никого не позовет. Ему нет нужды звать. Сами придут.

– Кто придет?! Это... это что... бунт?!

– Я сказал, успокойся, Эван тебе не враг.

– А ты, Роланд? Ты мне кто?

Кривая усмешка, судорога в уголке рта, желание ответить – ложь, необходимость ответить – правду. И невозможность, бессмысленность любого ответа.

– Вместе пойдем на Шерваля, Рич. Вместе.

Бессмысленность ответов. Бессмысленность попыток объяснить. Бессмысленность попыток найти смысл.

В первый день мы двигались быстро, потом сбавили темп. Особо торопиться было некуда – Ларс и Грей использовали время, проведенное в пути, чтобы полнее посвятить меня в курс дел. Многого придется восстанавливать, многое – менталь, но я хотел оставить неизменным, лишь приспособиться к новым обстоятельствам.

Почти все ребята, откликнувшиеся на мой призыв, были лучниками или арбалетчиками, но кое-кто нуждался в обучении по обращению с самострельным оружием, которое я планировал оставить основным. Были среди пошедших за мной и несколько человек из моей старой команды. Они вели себя как побитые собаки, и я махнул на них рукой, отметив про себя, что не стоит поручать им ответственные задания. Никогда не доверял людям, так быстро меняющим свои убеждения на почти противоположные и обратно. Однако они могли весьма пригодиться, чтобы переучивать лучников или объяснять человеку, впервые взявшему в руки стрелковое оружие, как не пристрелить самого себя.

Время летело быстро, а дорога тянулась медленно. Мы шли обратно на восток, мимо Лемминувера (там нас должен был оставить Грей, чьей задачей номер один стало вернуть нам Паулину), а оттуда собирались свернуть к югу и двинуться напрямик в Восточные Леса. Ларс предрекал, что по дороге, которая должна была занять недели три, к нам присоединится еще не меньше дюжины рекрутов. Таким образом, мы рассчитывали вернуться с достаточно большим отрядом,

чтобы немедленно возобновить партизанские действия.

Сейчас, оборачиваясь назад, я думаю, что эти дни были одними из счастливейших в моей жизни. Они были наполнены энергией и светом – солнце ни разу не скрылось за тучами и постоянно подсматривало за нами из-за то густеющих, то редеющих крон. Я много общался с рекрутами, с Ларсом или Греем, а иногда и с Флейм, они вечно находили мне работу для мозгов и тела (я обнаружил, что немного подутратил прежние навыки), и времени думать о Безымянном Демоне, о красной комнате с коричневой лепкой, о женщине по имени Миранда просто не оставалось. Полагаю, я смог бы выкинуть их из головы раз и навсегда, смог бы вернуться в тот, прежний мир, смог бы вернуть себе его. Я всегда отличался короткой памятью на такие вещи. Жалею ли я, что мне не позволили этого сделать? Конечно, жалею. И, вспоминая те дни, я ощущаю это особенно четко. Поэтому я стараюсь пореже их вспоминать. Те яркие, бесшабашные дни, казавшиеся преддверием то ли старой, то ли новой жизни – как бы то ни было, жизни, к которой я стремился, жизни, лучше которой я тогда не знал. Восхитительные дни... Три дня, если быть точным.

Утро четвертого ничем не отличалось от предыдущих. Мы встали с рассветом, ехали большую часть дня, а когда солнце прошло две трети пути к горизонту, разбили небольшой лагерь и занялись тренировками. В них была насущная необходимость: даже люди, состоявшие раньше в моем отря-

де, позабыли большую часть того, чему я их учил. И всё приходилось запоминать заново: от элементарных прицельных выстрелов до техники спешного отступления по верхушкам деревьев, следовавшего обычно непосредственно за атакой. Я в тот день от тренировки позорно отлынивал, перепоручив наблюдение за ней Ларсу – мне хотелось поговорить с Греем о тактике атаки в ближнем бою, которой он, как оказалось, в последнее время неплохо овладел. Мы сели у костра в стороне от всех и довольно долго и бурно обсуждали этот вопрос.

– Эх, жаль, что Роланда с нами нет! – вырвалось у меня в запале. – Вот уж он бы с такими вещами справился играючи!

– Почему же ты его не позвал? – тихонько спросил Грей.

Я вздрогнул, мгновенно утратив дискуссионный пыл. О Роланде я вспомнил случайно – вообще-то я старался поменьше думать о нем и других ребятах, которые остались с Саймеком и которых, несмотря ни на что, мне так не хотелось терять.

– Начнем с того, что я никого не звал, – резче, чем требовала ситуация, ответил я. – Все, кто с нами сейчас, пришли сами. Персонально никто не приглашался, если помнишь. С чего бы Роланду такая честь?

– Сам говоришь, он нам нужен, – все так же тихо проговорил Грей. – За Паулиной же ты меня отправляешь?

– Он всё равно не пошел бы, – сказал я и, нашарив рядом с костром сухую веточку, машинально сломал ее и бросил обломки в огонь. – Ты же видел, как он меня встретил. По-

хоже, у Саймека ему лучше, чем было со мной.

– Да не в том дело. Просто... Он не ожидал увидеть тебя. Не сейчас – вообще никогда. Вбил себе в голову слишком много дури, чтобы отказаться от нее так просто.

– Это его проблемы, – огрызнулся я, чувствуя, что начинаю раздражаться. – Мог бы хоть перекинуться парой слов, чтобы узнать, что я об этом думаю.

– Он бы так и сделал. Если бы ты был один или вдвоем со мной, а при Ларсе...

– При чем тут Ларс? – удивился я и впервые с того момента, как мы заговорили о Роланде, посмотрел Грею в лицо. Он смутился, хотя тоже выглядел удивленным.

– А он тебе ничего не рассказывал? Хм... Впрочем, ничего странного.

Он отвернулся и, обхватив колени руками, уставился на тренирующихся в стороне солдат. Флейм как раз демонстрировала особенности стрельбы в упор. Арбалет у нее был маленький, двоих не возьмет даже с такого расстояния, а перезаряжать его еще сложнее, чем стандартный. Она же, со своей молниеносной реакцией, предпочитала именно такую конструкцию и, похоже, усиленно прививала свои вкусы новичкам. Что ж, хорошо, если так – начав со сложного, они потом легче усвоят азы. Я рассматривал ее узкие плечи, напрягшиеся во время прицела, прищуренные фиалково-синие глаза, устремленные на мишень, волосы цвета смолы, влажно блестящие на солнце, и вдруг подумал, что люблю

ее.

Это была страшная мысль – во всяком случае, испугала она меня просто до безумия, и я шарахнулся от нее, словно заяц, на которого выскочила из кустов борзая.

– И что... что Ларс... что у них там с Ларсом случилось? – быстро спросил я, лихорадочно пытаюсь вынырнуть из опасно сладкого омута этого нового понимания.

Грей посмотрел на меня с удивлением, потом нахмурился:

– Если он тебе ничего не говорил, то и я смолчу, пожалуй.

– Ну нет! – круто развернулся я, радуясь возможности отвлечься, – Начал, так уж договаривай! Что произошло между Роландом и Ларсом?

Грей рассеянно откинул волосы со лба, задержал ладонь на темени.

– Да поссорились они, – неохотно проговорил он. – Сильно. Как только Ларс вернулся из Южных Лесов и узнал, что тебя схватили Зеленые. Мы рассказали ему, как всё было... ну он и взбеленился, ты бы его видел... Никогда не думал, что он может быть таким.

– Взбеленился? Ларс?! – я не верил своим ушам.

– И еще как. Называл всех нас тряпками и слюнтями. Что, в общем-то, чистая правда... Говорил, что, будь он в той хижине, ни за что не позволил бы тебе сдать, даже если бы пришлось держать тебя силой... Что мы должны были драться за последнего... Всё правильно говорил, в общем.

Он умолк.

– Ну? – мучительно поторопил я, пытаюсь совладать с изумлением и еще каким-то странно щемящим чувством, забуллившим во мне и заставившим начисто забыть о Флейм, – а Роланд тут при чем?

– Роланд стал оправдываться... Пытался объяснить... А Ларс набросился на него, мол, твоя это вина, ты всегда метил на место Эвана, потому, небось, и не сделал ничего, чтобы его защитить... Роланд взъелся в своем духе – знаешь его, – ну, они тогда и поцапались... А потом, после неудавшейся попытки вытащить тебя из Арунтон, Ларс снова сказал, что Роланд делает всё это для очистки совести да для того, чтобы лучше в наших глазах выглядеть... В общем, подрались они. А наутро Роланд ушел к Саймеку.

– Подрались? – потрясение прошептал я. Роланд парень горячий, но вид Ларса, метелящего физиономию противника кулаками, казался, по меньшей мере, абсурдным. Я посмотрел на него, стоящего в нескольких шагах от тренирующихся арбалетчиков: сурового, подтянутого. От него веяло холодной уверенностью и стойкой, равнодушной силой. Я не мог даже представить, чтобы он разошелся настолько, чтобы дал кому-то в морду. Тем более – из-за меня.

– Ну, Ларс вlepил ему пощечину, Роланд по зубам вмазал, и понеслось... Растаскивать пришлось, – Грей замолчал и потупился, спохватившись, что и так наговорил предостаточно. Я пожалел, что на его месте не Юстас – тогда я бы во всех деталях знал, сколько синяков поставили и сколько

зубов выбили друг другу эти двое.

– Так Роланд считает себя виноватым во всем, – констатировал я. – Стараниями Ларса.

– Похоже на то, – согласился Грей. – Они с тех пор почти не разговаривали. Если бы он подошел к тебе сейчас, Ларс бы наверняка завелся снова, сказал бы, что Роланд опять напрашивается в теплое местечко...

Я так не думал, но Грею об этом не сказал. Вместо этого я снова посмотрел на Ларса. Он показывал, кажется, совсем зеленому юнцу, как правильно натягивать тетиву. Само спокойствие, само долготерпение – но лишь потому, что ему плевать на тех, с кем он имеет дело. Так я думал раньше. То ли я ошибался, то ли Ларс делал для меня совершенно немислимое исключение. Я впервые задумался над тем, а что же почувствовал он, посчитав меня погибшим? Теперь я уже не думал, что хоть отдаленно представляю это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.